

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[БЕШЕНЫЙ МЕДВЕДЬ]

Мир Вечного

Роман Злотников
Бешеный медведь

«Автор»

Злотников Р. В.

Бешеный медведь / Р. В. Злотников — «Автор», — (Мир Вечного)

Человечество впервые встретилось с иной расой, превосходящей его в развитии. Открытого столкновения еще не произошло, но очевидно, что раса враждебна и готовит экспансию. Эти сведения хранятся в тайне спецслужбами галактической Российской империи и Содружества Американской Конституции, лишь немногим посвященным известно, что врагом предприняты первые шаги: в политических кругах и в прессе раздувается противостояние двух держав, которое будет на руку могущественным инопланетным существам. Нужно любой ценой предотвратить войну между людьми. И снова многое в этом деле будет зависеть от спецагента Федерального бюро на пенсии Ричарда Сандерса и отставного космодесантника Российского императорского флота Касьяна Полубоя...

© Злотников Р. В.

© Автор

Содержание

За три года до...	5
Глава 1	18
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роман Злотников

Бешеный медведь

Моему соавтору и другу Андрею Николаеву, с которым мы начинали эту серию, трагически ушедшему от нас, посвящается...

За три года до...

Лив Уилер врубила двигатели обратной тяги, и глдер, как осаженный на полном скаку конь, задрал нос, качнулся и завис напротив разгрузочного тельфера. Грузовой люк откинулся, магнитные захваты подцепили первый контейнер, вытащили его из чрева глдера и поволокли на транспортировочную платформу.

Лив выпрыгнула из кабины и потянулась, раскинув руки. Смена закончилась, осталось дожидаться конца выгрузки обогащенной руды, загнать глдер в бокс и забыть о работе до завтрашнего утра. Четыре машины ее бригады уже разгрузились и теперь стояли перед боксами. Пилоты, объяснив механикам ночной смены, что надо проверить в машинах в первую очередь, гурьбой направились к расположенному в сосновой роще поселку.

– Лив! – крикнул Дэн Стайлс, молодой смешливый парень, не оставивший надежды затащить ее в постель. – Приходи в бар! Регнар ставит – у него сын родился.

Уве Регнар был самым старшим в бригаде. На рудниках компании он работал уже несколько лет и был озабочен только одним – заработать как можно больше денег, поскольку во время каждого отпуска, который он проводил в кругу семьи на Аризоне, заделывал жене ребенка.

– Ладно, – ответила Лив и полезла в кабину – разгрузка закончилась.

На панели замигал сигнал вызова. В конце смены он мог означать только одно – приглашение к начальству. Лив чертыхнулась и раздраженно стукнула по клавише приема.

– Мисс Уилер, зайдите ко мне. – Голос управляющего рудниками, Гордона Флитвуда, как всегда, был сух и деловит.

– Умыться я хотя бы могу? – ядовито спросила она.

– Я не задержу вас надолго.

Лив скривилась... На самом деле Гордон Флитвуд был хорошим управляющим. Во всяком случае, рудник работал как часы, простоев не было, зарплату перечисляли вовремя, но было у него несколько раздражающих Лив черт: педантизм, доходящий до мелочности, такая же мстительность и непробиваемое самомнение. Все решения он принимал единолично, но обставлялось это так, будто они были общими. На совещаниях бригадиров и начальников смен Флитвуд с чопорным выражением лица выслушивал все мнения, делал замечания по ходу докладов, а затем поступал так, как считал нужным, отменяя все предложения, поступившие со стороны. С некоторых пор Лив просто молчала на совещаниях, ограничиваясь общими фразами.

Поставив глдер на стоянку, Лив направилась к конторе, которая располагалась на территории складов, примыкавших к летному полю. Раз в три месяца транспортные корабли компании забирали отсюда обогащенную руду, доставлявшуюся с четырех разведанных месторождений. Два месторождения были открыты совсем недавно и только выходили на проектную мощность добычи и обогащения руды, один рудник стабильно выдавал норму, а последний, Чертова Падь, был выработан почти полностью и заканчивал свое существование. Чертова Падь находилась всего в нескольких милях от космопорта, и руду с нее доставляли полугрузо-

выми глидерами, тогда как с трех других месторождений раз в неделю прибывали турбоплатформы.

Лив работала здесь около года. После разрыва с Полубоем она побывала дома, на Таире, быстро заскучала от монотонного течения жизни в родительском доме и, узнав о наборе пилотов на вновь открытые рудники, не раздумывая подала заявление. С ее опытом пилотирования не было ничего сложного в том, чтобы водить тяжелую машину, оборудованную роботом-погрузчиком. Через три месяца она встала во главе бригады из пяти пилотов. В деньгах Лив не нуждалась – за нейтрализацию Агламбы Керрора она получила наравне с Ричардом Сандерсом и Касьяном Полубоем пожизненную ренту от русского императора, но эти деньги пока предпочитала не тратить. Дело в том, что у нее была мысль открыть собственную транспортную компанию, но для этого надо было набраться опыта, и работа на рудниках, сначала принадлежавших компании «Юниверсити Маунтейн», а затем перекупленных Макнамарой, пришлась как нельзя кстати. Лив приглядывалась, как организован транспортный отдел рудников, и делала для себя заметки на будущее. Что-то могло пригодиться, но кое-что она бы исправила в управлении перевозками. Она уже решила, что проработает здесь год, ну, может, полтора, после чего попробует запустить свое дело. А императорские денежки пусть пока копятся на счете – будет с чем начинать...

Гордон Флитвуд сидел в кресле, слегка откинувшись на вертикальную спинку, поставив локти на стол и чопорно сцепив пальцы. Он даже и не подумал оторвать сухопарую задницу от сиденья хотя бы на пару сантиметров. На этот раз Лив даже не поморщилась. К хорошему привыкаешь быстро, а отвыкаешь, соответственно, долго. И поэтому после пребывания в пределах Российской Империи ей пришлось долго заново привыкать к тому, что мужчины при ее появлении не встают, не открывают перед ней двери, не пропускают ее вперед и не бросаются помогать тащить ее сумки и чемоданы – и не потому, что хотят как-то обратить на себя ее внимание или имеют на нее какие-то виды, а просто, ну... так устроена жизнь.

Кроме Флитвуда, в кабинете находился глава геологоразведочной службы Риккардо ди Кайен, который, как всегда при появлении Лив, бесстыдно пробежал взглядом по ее фигуре, сально улыбнулся и кивнул, будто выдвинув голову на жилистой шее из слишком широкого для нее ворота рубашки. Было в нем что-то от черепахи: морщинистое, несмотря на сравнительную молодость, лицо, покрасневшие тяжелые веки, сутулая, будто прикрытая тяжелым панцирем спина. Невзирая на внешность, он, кажется, считал себя прожженным сердцеедом и при каждой встрече раздевал Лив взглядом. При необходимости выбора между ним и Стайлсом, веселым, бесхитростным и прямодушным, она несомненно выбрала бы Стайлса. Если бы смогла забыть Касьяна...

– Садитесь, мисс Уилер.

Комбинезон Лив был в пыли, да и сама она чувствовала, что хорошо было бы сначала принять душ, а потом уже предстать перед начальством, но, приняв приглашение, села в кресло.

– Выпьете чего-нибудь? – дежурно осведомился Флитвуд. Выпить он предлагал всем посетителям, но все знали, что, кроме цветочного чая без сахара, от него ничего не дождешься. Знала это и Лив.

– Нет, благодарю.

– Тогда сразу к делу. Как обстановка в районе рудника?

Лив слегка опешила и непроизвольно оглянулась на дальнюю стену кабинета, сплошь состоящую из мониторов. Как она знала, сюда, в кабинет управляющего, передавалась информация по всем рудникам. Сейчас четверть мониторов смотрели на нее пустыми экранами.

– Десять минут назад связь с Чертовой Падью прервалась, – пояснил Флитвуд.

– Спутник?

– Спутник будет над Падью через десять минут, но мне не хотелось бы его задействовать.

Лив коротко кивнула. Все понятно. Если в Чертовой Пади что-то серьезное, то сообщение о неполадках сразу уйдет в центральный офис, и тогда спокойной работе конец.

– Когда я ушла из Пади, там все было нормально, – пожала плечами Лив. – Через двадцать минут туда прибудет смена Торнтон под загрузку. Я думаю, он свяжется с вами, если что-то не так.

– Это мы и без вас знаем, – сказал ди Кайен.

– В таком случае я вряд ли смогу вам помочь.

– Не горячитесь, мисс Уилер, – вмешался Флитвуд, – дело в том, что мы провели очередное глубинное сканирование, после чего камеры на склонах каньона и в штольнях вышли из строя. Если это случилось в результате какого-либо катаклизма, вы могли бы заметить что-то необычное. Однако, если это случилось вследствие направленных взрывов, – Флитвуд пожал плечами, – дело может оказаться серьезней. Радиосвязь нарушена – сильная магнитная буря. Когда вы улетали, никаких признаков извержения не было?

Лив нахмурилась, вспоминая. Перед глазами встал зажатый с трех сторон скалами каньон с глубоким озером в центре. Вода в озере была прозрачная и чистая. Но купаться даже в жаркие дни желающих не было – температура воды едва поднималась до десяти градусов. С четвертой стороны каньон замыкался массивом плато, в котором и располагался сам рудник. Плато было небольшим – около трех километров в поперечнике с впадиной ближе к краю, примыкавшему к каньону. Впадина была заполнена водой, причем ее температура в любое время года была не ниже тридцати градусов по Цельсию. Ди Кайен объяснял это наличием геотермальных источников на дне.

Всю последнюю неделю с поросших лесом склонов каньона сходили оползни, и стволы вырванных с корнем деревьев покрыли треть поверхности озера сплошным ковром. Участились выбросы пара в болотистых низинах на западе каньона, над скалами все чаще поднимался дым, и почва ощутимо подрагивала под ногами. Насколько знала Лив, в штольнях сильно поднималась температура и смены сократили до трех часов – дольше выдержать в подземном пекле не мог никто.

– В своем докладе три дня назад я упоминала о фактах, которые...

– Какие вы не можете интерпретировать достаточно квалифицированно, – прервал ее ди Кайен, – однако я принял во внимание ваше мнение, мисс Уилер, и именно поэтому подготовил глубокое сканирование.

– А если именно направленные взрывы способствуют сейсмической активности?

– Я не вулканолог, я – геолог, и в компании у меня определенные обязанности. А именно: разведка и разработка залежей френума. Чем я, собственно, и занимаюсь.

– Ха! – воскликнула Лив и от возмущения стукнула ладонями по подлокотникам. – Да любому крестину понятно, что ваши взрывы...

– Возможно, крестину и понятно, но мне как специалисту...

– Господа, прекратите, – повысил голос Флитвуд, которому надоела перепалка, – сейчас не лучшее время для выяснения отношений. Благодарю вас, мисс Уилер, вы можете быть свободны.

Лив, вздернув подбородок, прошагала к двери и что было силы захлопнула ее за собой. Если бы они воочию видели то, что видела в Чертовой Пади она, то не то что работы прекратили, но и провели бы эвакуацию персонала. Прибыль им глаза застит – высосать из рудника все что можно, до последней крохи, а на то, что работать становится все опаснее, наплевать. Понятно, что Флитвуд будет слушать все, что ему наплетет этот высушенный краб. Специалист, мать его! Когда он последний раз в штольню спускался? А ей приходится делать это по пять раз за смену, и не пешком, а на тяжелом глйдере, а тоннели осыпаются. Вон в прошлый раз здоровенный булыжник по фонарю кабины врезал, аж сердце зашло – думала, свод просел.

Лив, все еще кипя от негодования, выскочила из конторы и зашагала к своему домику. Что-что, а быт в компании Макнамары был налажен как положено. Рабочие жили в благоустроенных поселках по двое в коттедже, но Лив как бригадиру смены полагался отдельный домик.

Наскоро приняв душ и переодевшись, она направилась в бар, хотя ни выпивать, ни сидеть там в дыму и гуле нетрезвых голосов ей никак не хотелось. Но куда еще податься-то?..

Толкнув дверь, Лив ввалилась внутрь. В баре было не протолкнуться – дневная смена работяг веселилась как могла. В ее сторону, реагируя на звук хлопнувшей двери, повернулось множество голов, но большинство тут же вернулось в прежнее положение. Лив криво усмехнулась. Когда она только прибыла на рудник, кое-кто из особо прытких пытался подбить клинья, что вполне естественно – женщины, да еще на такой работе, на рудниках редкость. Однако после того как она отвадила наиболее настырных – одного даже пришлось пригласить таирским боевым шестом (вздумал затащить ее в кусты), – местные мачо поутихли. А уж когда она выбилась в бригадиры... Ее ребята сидели в углу за сдвинутыми столами и, судя по их виду, уже приняли по первой. А может, и по второй за здоровье новорожденного.

– Лив, мы здесь! – крикнул Стайлс, помахав рукой.

Обходя столики и на ходу отшучиваясь от игривых приветствий немногочисленных приятелей, Лив направилась в угол. Парни встали с рюмками в руках. Регнар протянул ей рюмку и по привычке погладил себя по редяющей шевелюре.

– Тебе слово, Лив. Как опоздавшей и как единственной женщине в этом притоне.

– Я хочу выпить за твою жену, Уве, – сказала Лив, чокаясь с виновником торжества. – Я хочу пожелать ей знаешь что?

– Что?

– Который это у тебя ребенок?

– Пятый, – с гордостью заявил Регнар, – трое мальчишек и две девочки. Все погодки.

– Так вот: я желаю ей хоть раз сказать тебе «нет», когда ты тащишь ее в постель. Хватит уже, дай ей отдохнуть хоть год.

– Правильно! – поддержала бригадира смена. – Сделай передышку. Этих-то прокормить – прорва денег уйдет.

– Да мы с ней так и решили, – сказал Регнар, слегка смутившись, – хватит... Ну, может, еще одного-двух, не больше, – закончил он под общий смех.

Выпивка в баре была качественная, еда тоже – компания заботилась о том, чтобы продукты, поставляемые на планеты, где работают ее люди, были свежими, а цены – приемлемыми. В то же время дисциплина на рудниках была строгая – замеченные в небрежении работой или в излишнем пристрастии к спиртному увольнялись немедленно. Профсоюзам на предприятия Макнамары ход был закрыт, но ежегодные комиссии Министерства труда Содружества неизменно оставались довольны положением дел с правами рабочих и служащих компании.

– Что там в конторе? – спросил Стайлс.

– А-а... – Лив махнула рукой. – Потеряли связь с Падью. Все мониторы накрылись. Этот умник, ди Кайен, провел серию направленных взрывов, и Флитвуд опасается, как бы не было извержения.

– Да-а, – протянул Регнар, который когда-то был активистом «Трейд Юнионз оф Нью Аламабаа энд Прикеринг», – Падь – это пороховая бочка. Был бы здесь профсоюз...

– Ты бы отстегивал ему ежемесячно из своей зарплаты.

– Ладно, пусть у начальства голова болит. Им по должности положено. А что, Лив, говорят, в системе появился сам М. Дж. М.? В конторе ничего не слышно?

– При мне ничего не говорили. Не думаю, что он здесь появится. Только ему и дел, что проверять наши рудники. Знаешь, сколько у него таких?

Лив склонилась над тарелкой со свиными ребрышками, и в этот момент пол под ногами дрогнул, бутылки на столе качнулись и гул голосов мгновенно смолк. Вообще-то землетрясения в три-четыре балла здесь не редкость, однако это было явно сильнее.

– Баллов пять, а? – настороженно озираясь, спросил самый молодой пилот смены – Кевин Руджери.

– Шесть, не меньше, – ответил ему всегда спокойный и медлительный Шон Догерти.

– Интересно, где эпицентр?

– Да какая разница! – воскликнул Дэн Стайлс. – Главное, что не у нас под ногами.

Разговоры возобновились, заиграла музыка, и Дэн, подмигнув Лив, указал глазами на круглый пятачок танцплощадки.

– Потанцуем?

– Сначала еще раз выпьем. Теперь за маленького Регнара, которому предстоит жить в этом мире. За то, чтобы на его долю пришлось как можно меньше землетрясений, извержений и недовольства начальников.

Залпом выпив виски, Лив вложила ладонь в руку Стайлса, однако потанцевать не пришлось. От нового толчка несколько бутылок упало со стойки, помещение дрогнуло, с жалобным звоном лопнули световые панели на потолке и тотчас взревели сирены. Посетители кинулись к выходу, опрокидывая стулья и столы. Всё покрыл рев громкоговорителя:

– Внимание, всем бригадирам смен собраться в конторе управляющего.

– Доигрались, – зло выдохнула Лив, пробиваясь к выходу из бара.

В конторе управляющего яблоку негде было упасть – три бригадира горняков, пилот и навигатор грузовика, прибывшего вчера за рудой, командир горноспасателей, обычно просяживающих штаны в баре, и, кроме Лив, еще один бригадир транспортной бригады, импульсивный Жак Буше. Все толпились перед мониторами, на один из которых шла передача из Чертовой Пади. Видимо, Торнтон подвесил один из своих глидеров над рудником и с его борта передавал картинку.

Сначала Лив ничего не разобрала – пыль и дым застилали объектив, затем на несколько минут изображение прояснилось, и она ахнула – ей показалось, что на месте каньона бушует неизвестно откуда взявшееся море. Потом, приглядевшись, она поняла, что это поверхность каньона ходит волнами, выбрасывая вверх почву, камни, переломанные стволы деревьев и остатки построек. Тут и там сквозь землю пробивались пылевые гейзеры, кое-где пробежали широкие трещины.

– ...южного склона. Селевой поток расширяется, приближаясь к месту разработок и выходу штольни. Насколько я могу отсюда видеть, – бубнил Торнтон, – вершина плато пошла трещинами. Я поднял один глидер выше. Сэр, озеро на плато бурлит, будто кто-то кипятит воду...

– Газово-пепловые выбросы есть? – спросил ди Кайен.

– Пока не наблюдал, но видимость заметно ухудшилась. Я предлагаю вывести смену из штольни, перебросить за каньон и переждать там...

– А техника? А обогащенная руда? – спросил Флитвуд. – Пусть люди отходят к озеру в каньоне самостоятельно. Вам я приказываю вывезти руду. Через десять минут выйдем к вам еще две транспортные бригады.

Изображение внезапно затряслось, камера выхватила кусок задымленного неба, затем раздался протяжный удар грома, будто над каньоном разразилась гроза.

– О господи! – крикнул Торнтон.

– Что такое? – рявкнул Флитвуд.

– Похоже, у нас здесь проснулся вулкан.

Видимо, Торнтон поднял глидер над рудником – на мониторе было отчетливо видно, как над южным склоном вставала огромная туча дыма и пыли, прорезаемая взлетающими обломками скал. Объектив сместился ниже, и все находящиеся в конторе дружно охнули – сквозь дым багрово светилось бурлящее озеро лавы.

– Не теряйте времени, Торнтон, – сказал Флитвуд. – Буше, Уилер, немедленно поднимайте глидеры. Сверхурочные будут выплачены в тройном размере. Вывезти всю добытую руду. Людей, если будет возможность, перебросьте к озеру.

– Людей надо эвакуировать из каньона в первую очередь, – как обычно, сильно жестикулируя, заявил Буше, – вы же сами видите, что делается.

– Это успеется, – поддержал шефа ди Кайен, – уклон там небольшой, и лава движется очень медленно, это же не вода. Непосредственной опасности нет.

– Всё, приступайте, – пресек дальнейшие споры Флитвуд.

Возле конторы собрались все свободные шахтеры, рабочие складов, офиса и часть экипажа грузового корабля. Галдеж стоял, как на птичьем базаре.

Оглядев толпу с крыльца, Лив заметила Стайлса и подняла руку:

– Дэн! Собирай наших. Все к ангару.

Рядом Жак Буше, подпрыгивая, кричал в толпу, созывая своих пилотов.

Лив заскочила в коттедж, натянула комбинезон и поспешила к ангарам. Пилоты уже собрались.

– Так, ребята, – сказала Лив, – в Чертовой Пади, кажется, началось что-то серьезное. Не будем искать виноватых, хотя мне кажется, что это ди Кайен намудрил с глубоким сканированием. Наша задача – вывезти руду, оборудование и эвакуировать людей. Оплата сверхурочных по тройному тарифу.

– Именно в такой последовательности? – спросил Догерти. – Руду, а потом людей?

Лив пожевала губами, вглядываясь в лица пилотов. Нет, наушничества за ними не водилось.

– Там видно будет, – сказала она. – Всё, по машинам.

Глидеры уже успели подготовить к завтрашней смене – механики компании не зря ели свой хлеб, и машины стояли в ангаре на бетонном полу чистые и заправленные. Лив привычно проверила топливо, регулировку гравиплит. Робот-погрузчик услужливо сообщил о готовности к работе.

Лив приподняла машину над площадкой.

– Всем внимание: до Пади идем группой, над каньоном зависаем, смотрим, что и как, а там действуем по обстановке. Вперед!

– Йаху-у! – заорал неугомонный Стайлс.

Пятерка глидеров вырвалась из ангара и через мгновение исчезла из виду.

Жак Буше со своей сменой стартовал минутой позже.

Толпа перед зданием конторы стала понемногу редеть. Гордон Флитвуд тяжелым взглядом проводил глидеры. Предчувствие беды не оставляло его с тех пор, как отказали камеры слежения в каньоне, а после того как Торнтон доложил, что там творится, Флитвуд понял, что самые мрачные его мысли реализуются стремительно и неотвратимо. Черт его дернул пойти на поводу ди Кайена и разрешить направленные взрывы. Ясно же было, что жила выработана, так какого черта?..

Писк зуммера орбитальной связи отвлек его. Поморщившись – опять подавай им суточную сводку для отправки в центральный офис, – Флитвуд нажал клавишу.

– Слушаю. Орбита, мне сейчас не до вас.

– Здравствуйте, Гордон, – раздался голос, который Флитвуд меньше всего хотел бы сейчас слышать, – включите видео, я люблю смотреть на собеседника.

Ди Кайена, сидевшего на краю стола и небрежно покачивавшего ногой, будто ветром сдуло. Через мгновение он очутился в кресле, в озабоченной позе склонился над какими-то бумагами.

Флитвуд закусил губу, подключил видео и встал перед мониторами. С полутора десятков экранов на него смотрел всесильный глава компании Майкл Джозеф Макнамара.

– Ну, как у вас дела? – спросил Макнамара, кивнув просявшему счастливой улыбкой ди Кайену.

«Знает или не знает?» – мелькнуло в голове Флитвуда.

– Небольшие проблемы на руднике Чертова Падь, сэр.

– Да? – Макнамара приподнял брови. Впрочем, кажется, он был настроен вполне благодушно. – И какого рода проблемы?

– Так, ерунда, сэр, – влез ди Кайен, – выброс пепла, возможно подвижки коры, небольшое извержение.

– Небольшое извержение, – как бы в задумчивости повторил Макнамара. – В каком состоянии рудник?

– Жила почти выработана, сэр. Это я как специалист говорю. Осталось вывезти руду, оборудование и людей.

– Ваше небольшое извержение невооруженным глазом видно с орбиты, – медленно, будто сдерживаясь, сказал Макнамара, – мне передают картинку, и она весьма впечатляет. Почему сейсмологи проморгали начало извержения?

– Видите ли, сэр, мы провели глубинное сканирование с помощью направленных взрывов. Хотели убедиться, что месторождение исчерпано. Возможно, это как-то способствовало усилению сейсмоактивности – в этом районе иногда случались подвижки тектонических плит, – пришел на помощь своему геологу Флитвуд.

– Например?

– Толчки силой два-три балла, повышенная температура воды в озере на плато, под которым велись разработки.

– И тем не менее вы провели сканирование?

– Ничто не предвещало... м-м... мы думали, что...

– Когда разработки «Юниверсити Маунтейн» перешли в мои руки, я интересовался безопасностью данного района, господа, – перебил ди Кайена Макнамара. – Видите ли, я не люблю терять деньги. Не важно, в результате чего мне принесен убыток: из-за природного катаклизма или некомпетентности людей, на меня работающих. Но если в первом случае можно иногда смириться – противостоять природе сложно, то во втором есть множество вариантов. Насколько я помню, массив, в котором расположены каньон и рудник Чертова Падь, является вулканическими постройками, включающими в себя несколько стратовулканов. Последнее извержение, поправьте, если мне изменяет память, датировано за тысячу сорок семь лет до прихода на планету человека, то есть было тысячу сто сорок восемь лет назад. Во всяком случае метод радиоуглеродного анализа показал именно это число. Напомните мне, Кайен, с каким периодом покоя вулкан считается недействующим?

– Ну-у... около трех с половиной тысяч лет. Однако радиоуглеродный метод дает погрешность...

– И тем не менее вы проводите направленные взрывы? – вкрадчиво спросил Макнамара. Он приблизил лицо к камере настолько, что на экранах остались только его шевелящиеся губы. – Не помню, упоминал ли я раньше, Кайен, что больше, чем некомпетентность, я ненавижу в людях пренебрежение своими обязанностями.

Ди Кайен стоял возле стола красный, потный, на скулах играли желваки, кулаки судорожно сжимались и разжимались. В управлении ходили неприятные легенды о людях, чем-то не угодивших Майклу Макнамаре, и хотя слухи об исчезновении этих людей были явным преувеличением, испортить человеку карьеру Макнамаре было вполне по силам.

– Что вы предприняли, Флитвуд?

– Отправили все имеющиеся в распоряжении грузовые глидеры, чтобы забрать обогащенную руду. Следующими рейсами будем вывозить оборудование. Турбоплатформы с других месторождений не...

– Сколько человек работает в штольнях и на поверхности?

– Около двухсот.

– Как организована их эвакуация?

Флитвуд бросил быстрый взгляд на ди Кайена, но толку от того было мало.

– Сэр, лава течет довольно медленно, поэтому люди двигаются своим ходом в сторону озера. Там мы их подберем.

Макнамара прищурившись поглядел на него:

– Через полтора часа я буду у вас. Постарайтесь больше не напортчить...

Дым над Чертовой Падью Лив заметила еще миль за десять до рудника. Черный столб, лениво клубясь, поднимался к безоблачному небу и расплывался в нем грязным грибом. Лив скомандовала бригаде заходить с наветренной стороны, хотя, если дым накрыл каньон, это ничем не могло помочь.

С высоты пятисот футов было хорошо видно жерло проснувшегося вулкана. Лава вскипала багровыми волнами, выстреливая вверх раскаленными камнями. Глидеры зашли с запада и зависли над тем, что еще недавно было озером с сосновыми лесами на склонах по берегам. Сель сдвинул пласты земли, сбросив деревья в воду, и они лежали ровным ковром, белея содранной корой и перепутанными обломанными сучьями.

Лив прошла над плато. Озеро бурлило, от воды поднимался пар, и казалось, что ее уровень сильно повысился. Скорее всего, поднялось дно, выталкивая воду вверх. Лив заложила разворот и присоединилась к машинам бригады, висевшим возле входа в каньон, словно пчелы перед разоренным ульем. Через несколько минут к ним подлетел Жак Буше.

Из дыма, застилающего каньон, вырвались глидеры Торнтонна.

– Алло, Лив, это ты?

– Да, Грег. И Жак тоже здесь. Что там творится? А то мы ни хрена не видим...

– Плохи дела, ребята. Связи нет – энергоподстанцию засыпало. Если захотите связаться с базой – поднимитесь над каньоном. Со склонов катятся камни, всё в дыму, трясет постоянно, но хуже всего, что штольню почти завалило. Там осталось человек десять – двенадцать...

Тяжело груженные машины проплыли мимо глидеров Лив и Буше.

– ...я забрал руды сколько смог и распилил пять человек по кабинам. Остальные отступили к складам возле озера. Человек сто – сто двадцать.

– Дерьмо!!! – выругался Буше. – Извини, Лив. Грег, а сколько руды осталось?

– Около двенадцати тонн. Все, ребята, я пошел на базу, может, успею сделать еще ходку. Глидеры Торнтонна скрылись на западе.

Даже если он и успеет вернуться, случится это не раньше чем через полтора часа, прикинула Лив. Машины Торнтонна были изрядно перегружены.

Непрерывный гул и взрывы давили на барабанные перепонки даже в герметично закрытых кабинах. В безветренном воздухе дым не рассеивался, а стелился по дну каньона, и Лив даже показалось, что она чувствует запах гари.

Оставив глидер Регнара над каньоном для связи, она скомандовала, чтобы остальные машины шли на посадку к складам, чьи гофрированные металлические стены сверкали сквозь

дымовую завесу. Возле складов, судя по словам Торнтона, собрался почти весь персонал рудника.

Люди жались к берегу, пытались отойти подальше от дыма по пляшущим на воде стволам, но, увидев заходящие на посадку глидеры, побежали к зданиям складов. Лив выключила двигатель, аппарат тяжело осел на землю. Она откинула фонарь и чуть не задохнулась – воздух был пропитан сернистыми испарениями и наполнен мельчайшими частицами пепла.

– Уилер, дайте картинку! – раздался из динамика голос Флитвуда.

Лив включила камеру на крыше и запустила ее в обзорный режим. Пусть полюбуются, что натворили.

К машине пробился человек с запачканным лицом. Он смахнул со лба пот, размазав копоть, тем не менее Лив узнала начальника рудника Болеслава Машковского.

– Уилер, организуйте погрузку френиума, – сказал Флитвуд. – Поторапливайтесь, черт возьми. Здесь того и гляди появится...

– Что он там говорит? – спросил Машковский.

– Требуется грузить руду.

– Да он с ума сошел! Ну-ка, дай я с ним поговорю. – Начальник рудника, пытаясь и отдуваясь, неуклюже полез в кабину – весил он не меньше ста двадцати килограммов при росте почти два метра.

Лив огляделась. Глидеры выстроились за ней, все десять. От своей машины к ней сквозь толпу пробирался Буше. Она спрыгнула на землю и двинулась ему навстречу.

– Ну, что делать будем?

– Там с Флитвудом Машковский пытается договориться.

– Да что там договариваться? Надо забирать всех кого сможем.

– Бросим добытую руду – неустойку повесят на нас. Всю жизнь расплачиваться будем, – тихо сказала Лив.

– Ты что предлагаешь? – прошипел Буше. – А они? – Он показал рукой на замершую толпу.

– Не мельтеши. – Лив закусила губу, напряженно что-то обдумывая.

Из кабины глидера вылез сумрачный Машковский, присел на плоскости и тяжело спрыгнул на землю.

– Он требует вывезти френиум. Может, успеем, а?

– Может, и успеем. – Лив оттолкнула его, взобралась в кабину и включила внешний громкоговоритель: – Внимание! Нам приказано в первую очередь вывозить френиум...

– Понятное дело! – крикнул кто-то из толпы. – А мы что, сгореть здесь должны?

– Хотя бы на равнину подбросьте!

– Пошли они к черту со своей рудой!

– Тихо! Никто не знает, сколько у нас времени, но давайте не терять его попусту! – закричала Лив, срывая голос. – Сейчас мы подгоним машины к складам! Готовьте контейнеры с рудой под погрузку. Внимание, пилоты! Демонтируем роботов-погрузчиков, загружаем контейнеры с френиумом и на освободившееся место – людей...

– Уилер, вы с ума сошли, – раздался голос Флитвуда. – Вы знаете, сколько стоит робот-погрузчик? Уилер, я запрещаю...

– Извините, Гордон, очень плохая связь. Сильные помехи. – Лив перекинула тумблер на панели связи. – Регнар, – она отыскала высоко в небе искорку глидера, – прерви передачу на базу и садись. – Лив отключилась и, повернувшись к Буше и Машковскому, твердо сказала: – Так, я принимаю всю ответственность на себя. Делайте как я сказала!

Машковский и Буше переглянулись. Если компания выставит иск по поводу потерянных погрузчиков (а в том, что Флитвуд непременно это сделает, ни у кого не было никаких сомнений), расплачиваться за них придется Лив. Это понимала и сама Лив (и уже мысленно попро-

щалась с мечтой создать свою транспортную компанию). Машковский молча кивнул, а Буше махнул рукой и бросился к своей машине...

Люди выстроились цепочкой, по двое перетаскивали семидесятикилограммовые контейнеры. На землю посыпались выбрасываемые из грузовых отсеков глидеров части погрузчиков. Лив отыскала инструменты и принялась снимать крепеж станины робота. Рядом сопел, помогая откручивать болты, Машковский.

– Ох и влетит тебе, – пробормотал он.

– Плевать, – сказала Лив и внезапно замерла. – Слушай, а те, кто в штольне остался? Торнтон сказал – их завалило.

– Нет, пройти было бы можно, но там такая температура, что шкура клочьями слезает. Видишь? – Машковский приблизил к ней лицо. Бровей и ресниц у него не было. – Я пытался пройти на каре.

– А если на глидере? Тоннель не завалило?

– Спятила ты, девочка.

– Завалило тоннель или нет?

– Вроде нет. Послушай, – Болеслав положил ей руку на плечо, – их уже не спасешь, а сама погибнешь. Если откроется новый кратер там, – он указал в сторону плато, – под озером, то рванет так, что в конторе Флитвуда стекла вылетят. Не надо рисковать впустую.

Лив стряхнула его руку и, напрягаясь, приподняла край станины:

– Взяли!

Вдвоем они скинули робота на землю.

Глидер качнуло. Земля пошла волнами, сбивая людей с ног. Кто-то закричал, показывая на восточную стену каньона. С отвесной скалы сыпались камни попеременно с испаряющейся на раскаленной поверхности водой. По стене пошли трещины.

– Быстрее грузите! – закричал Буше.

Лив выпихнула Машковского из глйдера, плюхнулась на сиденье и врубила сирену. Люди бросились врассыпную. Она врубила гравиплиты, дала форсаж, и глидер рванулся в сторону черного провала штольни, уходящей внутрь плато.

Широкий зев штольни был с боков наполовину засыпан обрушившимися скалами, и перед самым входом Лив завалила машину на ребро. Фонарь чиркнул по камню, рев двигателя ударил в стены, замелькали стальные крепления. Здесь было темно, она включила все прожекторы, которые были на машине, и выровняла глидер. Тоннель уходил вглубь под углом градусов тридцать, разрушений здесь пока не было, но Лив видела, как в свете прожекторов со стен, мимо которых она проносилась, бегут ручейки осыпавшегося стеклобетона. В кабине жар не ощущался, но датчики показывали, что за бортом температура поднялась до пятидесяти пяти градусов по Цельсию, и Лив даже думать не хотелось, какое же пекло там, куда она летела.

Поднимающийся навстречу тугой поток воздуха бросал глидер от стены к стене, и ей приходилось использовать все свое мастерство пилота, чтобы не разбить машину. Пешком или даже на транспортере отсюда не выбраться – это Лив уже поняла.

Обычно спуск в штольню по монорельсу занимал не более десяти минут, но сейчас ей казалось, что она летит уже час, а то и больше. Плечи занемели от напряжения, пальцы дрожали, будто ее била лихорадка, и Лив чувствовала, что силы на исходе, а ведь предстоял еще обратный путь. Главное, чтобы те, за кем она летит, были живы, иначе все напрасно.

Со свода тоннеля посыпалась пыль, глидер нырнул в нее, как в мутную воду. Видимость упала до нуля. Лив выругалась, и в то же мгновение впереди открылась рабочая площадка. Людей видно не было, и Лив направила машину к вагончику монорельса, стоящему перед двумя проходческими щитами.

Она откинула фонарь и задохнулась – ее будто бросили в пышущую жаром печь. Раскаленный воздух обжег легкие. Закашлявшись, Лив вывалилась из кабины, прыгнула на землю

и, пошатываясь, побежала к вагончику. Навстречу ей распахнулась дверь, сильные руки втащили ее внутрь.

– Быстрее в машину, – прохрипела она, – вулкан... под плато вулкан, он проснулся. Рудник эвакуируют. Сколько вас?

– Двадцать один человек.

– Что?!!

Мониторы погасли все разом, и Флитвуд в бешенстве ударил по пульту связи. Ди Кайен криво улыбнулся и отошел к окну. Не так уж все плохо. Если удастся отвертеться от ответственности за извержение, направив гнев Макнамары на самоуправство этой Уилер, то, может быть, еще не все потеряно. В конце концов, он – исполнитель. Да, он предложил провести глубокое сканирование, но команду дал Флитвуд... Ну, ошибочка вышла, не приняли в расчет возможность извержения, но не ошибается тот, кто ничего не делает. Хотели проверить, закрывать рудник или нет, мечтали сберечь хозяйские капиталы, ну не сложилось...

Раскат отдаленного грома заставил задрожать стекла. Флитвуд подскочил к окну.

– Черт, если это на руднике...

– Нет, это кое-что похуже, – ди Кайен указал в небо, – это М. Дж. М. торопится к нам в гости.

Прямо на площадь перед конторой, вздымая клубы пыли, сгибая окружавшие здание сосны и заставляядребезжать стекла в окнах, падал в реве двигателей посадочный модуль.

Пыль еще не осела, а из распахнувшегося люка, не дожидаясь, пока выдвинут трап, прыгнул Майкл Джозеф Макнамара-младший и быстро направился к конторе.

За прошедшие два года, как он встал во главе корпорации, Майкл заматерел: плечи налились тяжестью, подбородок выдвинулся вперед, взгляд стал холодным, пронизывающим. Костюм сидел как влитой на его высокой фигуре, когда он широкими шагами пересек площадку перед конторой и взбежал на крыльцо.

Флитвуд пригладил волосы, поправил галстук, ди Кайен явил самую радушную свою улыбку с оттенком сожаления и раскаяния – разговор с шефом предстоял непростой.

Однако разговора не получилось. Видимо, Макнамара уже все для себя решил.

– Связь с рудником есть? – спросил он, входя в кабинет.

– Нет, сэр. Нам транслировали картинку через один из глiders, которые...

– По самоуправству одного из бригадиров смены грузоперевозчиков связь была прервана под предлогом сильных помех, сэр, – поспешил влезть ди Кайен. – Очень неуравновешенная особа, надо заметить.

– Какого черта в таком случае эта особа командует людьми? – Макнамара бросил на геолога неприязненный взгляд. – Впрочем, разберемся после. – Подойдя к пульту связи, он пробежал пальцами по клавиатуре, вызывая модуль, на котором прилетел. – Карл, организуй видеоканал на Чертову Падь через спутник. Я хочу видеть все в подробностях. Если не хватит ресурса спутника, подключай «Дакоту». Я хочу говорить с тем, кто там командует. – Он включил громкую связь, обошел кресло и по-хозяйски расположился за столом.

В кабинете повисло тягостное молчание. Макнамара с интересом разглядывал управляющего и геолога. Ди Кайен пытался сообразить, что могло быть в его деле, которое шеф, конечно, просмотрел, направляясь сюда. Флитвуд молился, чтобы никто не погиб, – отвечать за все, что произойдет, придется ему.

Экраны ожили одновременно все. Впечатление было, будто видеосигнал передается с точки, поднятой над каньоном на высоту не более мили. Чертова Падь была наполовину затянута дымом. Южная часть багровела лавой, переливающейся через неровный край кратера, озеро на плато парило так, что поверхность невозможно было разглядеть. Лава не спеша кати-

лась по крутому склону, заполняя впадины и обтекая возвышенности. Деревья, которые устояли перед селом, вспыхивали, как свечки.

Из дыма один за другим вынырнули серебристые силуэты глidersов и устремились к западному краю каньона.

– Девять, – сосчитал Макнамара. – Сколько машин было отправлено?

– Две смены, десять глidersов. Грузоподъемностью...

– Ну-ка дайте увеличение.

Камеры спутника взяли крупный план. Ди Кайен присвистнул – крышки грузовых люков на глidersах отсутствовали, и в каждом на контейнерах с рудой сидели и лежали люди. На минимальной высоте и самой малой скорости машины плотной группой тянулись к выходу из каньона.

– Бригадир смены, которая взяла на себя командование, приказала снять роботов-погрузчиков с глidersов, сэр, – поспешил объяснить ди Кайен. – Также все оборудование и аппаратуру...

– Есть связь, сэр, – доложили с модуля.

– Здесь Майкл Макнамара, вызываю группу глidersов, покидающих Чертову Падь.

– Жак Буше на связи, сэр.

– Как проходит эвакуация?

– Забрали всю руду и людей, что были на поверхности. В штольне осталось около дюжины человек. Пришлось размонтировать роботов, сэр. Если будет возможность, мы вернемся и...

– Я понял, Буше. Уверен, что другого выхода не было. Вы приняли правильное решение.

– Это не я, сэр. Здесь командовала бригадир Лив Уилер. Так уж получилось, что она все организовала, сэр.

– Ладно, это потом. Что можно сделать для тех, кто не смог подняться на поверхность?

– Уилер вылетела за ними, сэр. – Буше кашлянул. – Однако, боюсь, ей не удастся к ним прорваться. Там сейчас сущий ад, массив над штольней идет трещинами, вот-вот будет новое извержение.

– Значит, остается только молиться, – сказал Макнамара. – Вы дотянете до базы с таким грузом?

– Дотянем.

– Будьте на связи, Буше.

– Понял, сэр.

Макнамара поднялся из-за стола, встал перед мониторами, слитыми в один большой экран, и покачался с пятки на носок. Через микрофон, установленный в глидере Буше, были слышны гул и взрывы в каньоне.

Глидеры проползли над озером, забитым стволами деревьев. Лава с южного склона уже достигла берега и, шипя, скатывалась в воду. Смолистые сосны пылали, будто политые горячим.

– Завораживающее зрелище, – ни к кому конкретно не обращаясь, негромко сказал Макнамара.

– Температура лавы может достигать двенадцати тысяч градусов, – услужливо сообщил ди Кайен.

– Значит, вы все-таки кое-что знаете о вулканах, – криво усмехнулся Макнамара.

Флитвуд поморщился – неприятно было смотреть, как его заместитель по геологоразведке лебезит перед шефом.

Глидеры поднялись над невысокой западной стеной, развернулись и повисли, покачиваясь в воздухе. Люди в грузовых отсеках встали и все как один повернулись к руднику.

– В чем дело, Буше? – спросил Макнамара. – Почему остановились?

– Хотим дождаться Лив Уилер, сэр.

Макнамара промолчал, но взглянул на часы.

В каньоне поднялся ветер – восходящие потоки воздуха разорвали дымную пелену. Минута или две прошли во всеобщем молчании, нарушаемом лишь взрывами и треском пожара, как вдруг над плато взлетели клубы дыма, тучи песка и камней.

Тяжкий удар заставил людей в глидерах пригнуться.

– Всё, уходите, – приказал Макнамара.

– Сэр, еще пять...

– Вы слышали, что я сказал, Буше. Если не хотите вылететь с работы, уходите оттуда. – Макнамара покосился на ди Кайена. – И не вздумайте сказать, что у вас отказывает связь.

Внезапно из провала штольни вырвался вал огня с раскаленными обломками породы.

– Всё... – охнул кто-то.

– Смотрите! – закричал чей-то надорванный голос.

Из пламени, бьющего, словно из маршевых двигателей звездолета, вылетел заваленный на плоскость глидер. Вот он выровнялся и стал набирать высоту, уходя от преследующего его огня.

– Увеличение на машину! – рявкнул Макнамара.

Камера выхватила мчащийся через каньон глидер. В грузовом отсеке уродливо высилась странная конструкция, до отказа забитая людьми. В кабину, рассчитанную на двоих, набилось не менее семи человек.

Макнамара пригляделся и восхищенно выругался. К бортам грузового отсека, поскольку в сам отсек она не поместилась, была приварена прочная и громоздкая кабина проходческого комбайна. Ну еще бы, если б людей просто загнали в грузовой отсек, до поверхности доехало бы жареное мясо...

– Буше, возьмите с глидера Уилер несколько человек, у нее явный перегруз, да и аэродинамика ни к черту, и уходите оттуда. И держитесь как можно ниже над равниной – если вулкан взорвется, западная стена прикроет вас. Взрыв может быть очень сильным.

– Есть, сэр!

Макнамара отключил экраны.

– Флитвуд, подготовьте отчет обо всем, что здесь произошло. С вами я поговорю после. Сколько им лететь?

– С такой перегрузкой не менее часа.

– Я пока возвращаюсь на шаттл, – заявил Макнамара, направляясь к двери. Словно что-то вспомнив, он остановился. – Да, ди Кайен, можете собирать вещи. В ваших услугах корпорация больше не нуждается. А вы, Флитвуд, пригласите-ка сюда эту непослушную Уилер...

Глава 1

– Нет, Таисия Марковна, больше не смогу, ей-богу, – сказал Бергер, отдуваясь и вытирая потный лоб платком.

– Так только ж начали чаевничать, Константин Карлыч! Ну, еще чашечку. – Женщина сняла с самовара заварочный чайник, от души налила в чашку Бергера заварки, повернула краник у самовара, добавляя кипяток. – Вот. Ешьте, пейте, вот сметанки еще, хлеба. В своих столицах так не покушаете.

Бергер обреченно вздохнул и отпустил ремень на брюках еще на одну дырочку. Сказать по правде, он и сам не мог оторваться от простого угощения, которым его потчевала Таисия – жена Кондрата Пилипенко, друга детства Касьяна Полубоя. Это был обед, растянувшийся почти до ужина. Поскольку Кондрат с утра сказал, что будет только к вечеру – сосед-фермер попросил помочь наладить уборочный комбайн, – Бергеру пришлось есть за двоих. Сначала была закуска: холодец с хреном, соленые грибочки под фирменный Кондратов самогон, крепостью под шестьдесят градусов. Потом Бергер навернул миску борща, на второе съел тарелку жареной картошки с тушеной свининой и вот наконец добрался до чая. Причем под чай были свежие пышки, еще горячие, и сметана только что из сепаратора. Оторваться от такой вкусно-тищи было нельзя, и Бергер уже всерьез опасался, что из-за стола не встанет.

Он прилетел на ферму к Кондрату вчера утром – в Нелидовке, где жили отец и мать Полубоя, ему сказали, что Касьян погостевал два дня, заскучал да уж дней десять как подался к старому приятелю. Однако и у Кондрата Полубоя не было. Через двое суток после своего появления Касьян взял продуктов, прихватил охотничий лучевик и двинул на Змеиное плато. Кондрат, вспоминая, как пробовал отговорить приятеля, только крутил головой: «Ничем его не прошибешь! Он еще пацаном упрямый был, а теперь и вовсе с ним сладу нет. Тем более что с ним его зверушки – две дикуши. Вот втроем они и пошли на плато. А ты, Константин Карлыч, оставайся. Поселим тебя в комнате Сережки – он у нас в интернате, в Каменном Донце. Школы у нас поблизости нет, до семи лет его Таисия кое-как учила, а теперь вот пришлось в город отправить. Касьян обещался через двое-трое суток вернуться».

Бергер с благодарностью принял предложение.

До того как уйти на плато, Полубой со своими зверюгами уничтожил волчью стаю, которая терроризировала окрестных фермеров. Здесь, в предгорьях, благодаря водоразделу земля не испытывала недостатка во влаге, климат был мягкий и урожаи на редкость высокие. Выращивали картофель, другие овощные культуры, разводили свиней, овец, птицу. И все бы ничего, но вот волки, особенно зимой, лютовали страшно. Бывало, что и на людей нападали. Летом было поспокойней, однако то у одного фермера, то у другого задирали корову или отбивали от отары пару-тройку овец, а на следующий день хорошо, если от них находили разодранные шкуры.

За рюмкой, выкладывая Касьяну местные новости, Кондрат заодно пожаловался и на волчий беспредел: «Местного-то волка не так-то просто взять. Вон под Каменным Донцом и поместья есть с псарнями, и турбазы с псовой охотой. Так там о такой напасти уж давно не знают. Там, почитай, каждую осень зверя травят. Вот зверь и не озорует шишко. А у нас в глухомани... Может, хоть господин отставной майор себе поместье с псарней здесь заведет», – подначил он приятеля. Полубой только хмыкнул – тоже мне беда! – чем здорово обидел подвыпившего Пилипенко. Однако успокаивать не стал, а утром, чуть свет, прихватил лучевик и исчез со двора вместе со своими дикушами.

К вечеру Кондрат забеспокоился, а к полуночи и вовсе не находил себе места, однако часам к двум хлопнула калитка на воротах, и Полубой, увидев, что в окнах первого этажа избы горит свет, рывкнул на всю округу: «А пожарть охотнику-защитнику дадут в этом доме?»

Кондрат для начала обложил его по матушке и, лишь увидев, что Касьян цел и невредим, смягчился. Таисия еще не ложилась спать – коротала ночь с мужем, уложив полугодовалого Ваньку, – и быстро собрала на стол. За едой Касьян и рассказал, что нашел волчью стаю. Вернее, не он, а дикуши. «Утром съезди, шкуры обдери, что ли, – добавил Касьян сонно – умаялся за день. – Я тебе расскажу где. Отсюда верст семь, наверное».

На следующий день Полубой ушел на плато, а Кондрат съездил на вездеходе туда, где друг накрыл волков. Места там были болотистые, только на вездеходе и проедешь. Пятерых матерых волчищ насчитал Кондрат в заросшем раkitой овраге и щенную самку. Лишь на одном звере был след выстрела из лучевика, у остальных были вырваны глотки или перекушены хребты. Пилипенко даже пожалел серых, да теперь уж чего жалеть было. Зато появилась надежда, что эту зиму удастся пережить спокойно. Конечно, место волчьей стаи займет другая, но ведь это только через год-два.

Волчьи шкуры Кондрат уже обработал, и сейчас они сохли за домом, распяленные на колышках.

Бергер, услышав эту историю, поинтересовался, не страшно ли было Кондрату и Таисии по соседству с риталусами, которых местные звали дикушами. Кондрат пожал плечами и сказал, что поначалу, мол, да, страшно – уж больно слава про этих зверей недобрая. Однако Таисия махнула на него рукой – молчи, мол, если не понимаешь. «Ты представляешь, Константин Карлыч, малой как увидел их, сразу к ним и пошел. А они к нему, ага. Я прямо обомлела! А Ванька давай с ними играть, как с игрушками: на землю повалит, покатает с боку на бок, за хвост уцепит, а они в него носами тычутся, щекочут. Ванька теперь от них и не отходит. Ну а Касьян только смеется – вот уеду, говорит, с кем ваш пацан играть будет?»

Бергер читал донесения с Белого Лебедя, где Касьян впервые использовал риталусов в боевых действиях, и представить, что прирожденные убийцы, которыми представляли в донесениях эти животные, вот так, по-простому, играли с ребенком, никак не мог. Однако пришлось поверить хозяевам. «А чего ж ты его отговаривал на плато идти?» – только спросил он Кондрата. «Так эти зверушки прирученные, а там – живоглоты натуральные. Дикуши, одним словом...»

Бергер хлебнул чаю с мелиссой, положил на теплый хлеб ложку сметаны. Таисия хлопотала по дому, изредка подсаживаясь к гостю, чтобы предложить еще варенья или подлить чаю. Со двора слышалось мурлыканье Ваньки, тискавшего рыжего кота, на которого он переключился ввиду отсутствия риталусов.

Издалека донесся шум двигателя. Таисия выскочила из дома, Бергер, пользуясь отсутствием хозяйки, быстро допил чай и вышел вслед за ней.

Смеркалось. Солнце склонилось к лесу на западе, стало чуть прохладней, чем днем, поднялся небольшой ветерок.

Кондрат, поставив трицикл на дутых колесах у ворот, зашел во двор, подхватил на руки подбежавшего к нему сына и направился к крыльцу.

– Ну что, не вернулся Касьян?

– Нет пока, – ответил Бергер, закуривая «Пластуновские» и присаживаясь на скамейку возле крыльца. – Завтра утром пойду за ним – больше ждать не могу, отпуск кончается.

Кондрату и Таисии он сказал, что прибыл в отпуск.

– Опасное это дело, Константин Карлыч. Касьян привычный, да и звери при нем. Ну как его не встретишь – плато большое.

– Я далеко не пойду. Так, с краю посмотрю.

Пока Таисия кормила мужа и сына, Бергер вышел за ворота. На плато идти и впрямь не хотелось. Он вообще не шибко любил риск, шел на него только в крайнем случае и никогда из пустой бравады. Вот Полубой – да, мог на спор пройти на руках по перилам балкона, как было один раз в училище. Схлопотал тогда Касьян пятеро суток губы и десять нарядов

на кухню. Конечно, теперь он остепенился – не мальчик, но нет-нет, да и проявлялись в нем прежние авантюрные наклонности. Впрочем, Полубой был профессионалом, поэтому на задании никогда не рисковал попусту.

Кирилл Небогатов тоже мог учудить что-то подобное – потомок древнего дворянского рода, он не допускал, чтобы кто-то что-то делал лучше его, заходила ли речь об учебе или о безумствах, свойственных юности.

К сожалению, теперь выбора не было: надо рискнуть и подняться на Змеиное плато – дольше оставаться на Луковом Камне Бергер не имел времени. Начальник разведки флота Анатолий Остапович Леонидов, за которым среди сотрудников утвердилось прозвище Царь Леонид, поставил своему заместителю жесткие сроки: через две недели, удастся получить согласие Полубоя на работу под прикрытием или нет, Бергер обязан вернуться на Новый Петербург – следствие по делу о нападении на начальника контрразведки генерал-майора Амбарцумяна входило в завершающую стадию.

Рассвет был туманным и холодным. Бергер зябко передернулся, подумав, что согреется на ходу. Заспанный Кондрат вышел проводить его, вручил охотничий лучевик и рюкзак, набитый под завязку. На вопрос, что там, ответил, что это Таисия собрала домашних харчей, ну и он от себя кое-что прибавил. Кондрат подмигнул, и Бергер понял, что ему будет чем отметить встречу с Полубоем, если она состоится.

– Ну, плато ты видел. Как рассветет, во-он там, над лесом, будет гряда. На нее путь и держи. Если до вечера не дойдешь, лучше внизу переночуй.

– Понял, – кивнул Бергер, справедливо полагая, что местные условия Кондрат знает лучше и к его советам стоит прислушаться.

К лесу он подошел еще затемно – только-только на востоке проклюнулась заря. Идти пришлось через луга, заросшие по пояс травой, и брюки от егерской формы, которую ему ссудил Кондрат, основательно промокли. В одном Бергер оказался прав – он согрелся.

Лес здесь был лиственным, преобладали дубы и клены. Подлеска почти не было, идти было легко, а когда взошло солнце, засвиристели птицы, так стало даже приятно. В лес Бергер не хаживал с прошлой осени, когда выбрался за грибами, и теперь с удовольствием вдыхал чистый лесной воздух.

Около полудня он остановился возле родника перекусить, отдохнул с полчаса и двинулся дальше, хотя уже чувствовал некоторую усталость – казался малоподвижный образ жизни.

Лес незаметно менялся. Лиственные участки уступали место елям и соснам. Под ногами шуршала палая хвоя. Скоро впереди показался просвет, и через несколько минут Бергер вышел на опушку.

Плато вздымалось прямо перед ним. За неширокой полосой поля снова начинался лес, теперь уже исключительно хвойный. Видно было, как он поднимается к плато, постепенно сходя на нет и к вершине исчезая совсем.

Бергер передохнул, прикинул, что он должен успеть одолеть склон задолго до заката, и двинулся вперед.

Уже через час он понял, что переоценил свои силы – идти на подъем было несравнимо труднее, чем по равнине, и он чувствовал, что если и доберется до плато, то перед самым заходом солнца. Деревья вокруг стали ниже, и жара уже не донимала – высота начинала сказываться.

Последний альпийский луг с цветами и звенящими над ними пчелами остался позади полчаса назад. Теперь вокруг росла чахлая трава, изредка встречался кустарник. Бергер уже не смотрел вперед и вверх – он просто шел, тупо переставляя ноги. С тех пор как миновал последние сосны и ели, он даже ни разу не закурил. Может, дело было в том, что воздух вокруг был живительный и чистый, а может, просто понял, что если закурит, то вконец собьет дыхание.

В лицо ударил холодный ветер. Бергер выпрямился и огляделся. Да, он дошел – перед ним лежало Змеиное плато. Солнце бросало на землю его длинную тень, и теперь следовало подумать, идти ли вперед и покричать в надежде, что Полубой где-то рядом, или плюнуть и спуститься к лугам, чтобы заночевать. Редкий кустарник, мелкая выгоревшая и колючая трава под ногами – вот и вся растительность. Хотя впереди, где плато понижалось к середине, темнели невысокие кривые деревца, сливающиеся в сплошную полосу там, куда уже не достигал свет заходящего солнца. Правее высилось нагромождение скал, за ними, в туманной дымке, горели заснеженные пики далеких вершин Родниковых гор.

Полчаса – минут сорок светлого времени еще было, и Бергер скинул рюкзак, изрядно натерший плечи, проверил лучевик и двинулся к скалам, зорко глядя по сторонам. Кондрат сказал ему, что дикуши могут напасть без предупреждения, однако Бергер надеялся увидеть их первым. Когда до скал осталось около пятидесяти метров, он остановился, решив, что хватит сегодня испытывать судьбу. Набрав в легкие побольше воздуха, он закричал:

– Касья-ан!

Крик ударился в скалы, раздробился и вернулся многократным эхо.

Бергер постоял, прислушиваясь, потом крикнул еще раз. Нет, судя по всему, придется искать Полубоя завтра утром. Он повернулся, собираясь уходить, и замер – позади, отрезая возможность отступления, сидели два риталуса. Они были похожи, как размноженная картинка: чешуйчатые бока, острые уши, черные бусины глаз. Сидя друг от друга метрах в десяти, они тем не менее синхронно покачивали головами справа налево, как змея, завороченная флейтой факира.

– Привет, – сказал Бергер, сглатывая слюну, – давненько не виделись. Давайте сделаем так: я медленно ухожу, а вы делаете вид, что меня не видите. Идет? – Он сделал осторожный шаг вперед, и в ту же секунду риталусы переместились ближе друг к другу и припали к земле. – Всё. – Бергер поднял руки, ладонями вперед. – Всё, я стою и молчу.

Минут пять он стоял, боясь даже кашлянуть, затем осторожно присел, положил лучевик на землю – все равно не спасет. Минут через десять станет темнеть, а зверьки уходить явно не собираются. Мысль о том, что ему придется провести ночь наедине с этими тварями, вызвала у Бергера легкий озноб. Стал донимать холод. Отсюда он видел рюкзак, там была фляга, которую положил Кондрат. Бергер представил, как обжигающая жидкость льется по пищеводу, в желудке вспыхивает мягкий огонь и все тело наполняется блаженной истомой.

– Чтоб вас черти взяли, – сказал он как можно дружелюбней в сторону риталусов, уже едва видимых в сумерках, – и Касьяна тоже. Турист хренов. В горы ему захотелось прогуляться.

Бергер достал пачку «Пластуновских». Папироса была последняя. Он злобно посмотрел в сторону своих сторожей, закурил и экономными затяжками стал всасывать горьковатый дымок. Ночь без еды – ладно, но без курева... Этого он Полубою не простит!

– Эй, – послышался внезапно где-то позади знакомый баритон, – а кого это принесло?

– Меня это принесло, – повернув голову, сказал Бергер в темноту. – Осторожно, здесь две эти твари сидят. Меня сторожат.

– Костя! Елки зеленые! Ты как сюда попал? Да вставай, не тронут. Это мои ребята.

Бергер кряхтя поднялся – ноги затекли, от холода его уже била дрожь.

– Твои, чужие... Я откуда знаю? Я-то их видел – раз-два и обчелся. Да и они же все на одно... на одну морду. У-у, животные!

– Это как сказать. – Полубой был уже рядом, развернул Бергера к себе лицом и по-медвежьи облапил. – Здорово, шпион.

– Здорово, пенсионер. Ты где притаился? Я тебя тут уже час ищу. Крикнул пару раз – никого.

– Не слышал я – далеко, вернее, глубоко был. Пойдем, я там, в скалах, палатку поставил.

Бергер забрал рюкзак. Риталусы исчезли, впрочем, если они и были рядом, в неверном свете звезд их было не разглядеть. А ни одна из лун еще не взошла.

Полубой уверенно шел впереди, иногда оглядываясь на Бергера и довольно улыбаясь. Миновав узкий проход в скалах, который Бергер один ни за что не нашел бы, они вышли к ровной площадке под козырьком скалы. Палаткой то, что здесь стояло, назвать было трудно – навес на четырех жердях, вбитых в почву возле едва теплившегося кострища.

– Располагайся, – предложил Полубой, принимаясь ломать ветки с сухого дерева, лежавшего рядом, – сейчас костерчик соорудим. Правда, пожрать особо нечего. Меня мои зверушки кормят – вон, возле палатки последняя добыча.

Бергер из любопытства взглянул. На земле валялась разорванная пополам змея, длиной около полутора метров и толщиной в руку.

– Ты что, змей жрешь?

– А чего? – недоуменно спросил Полубой. – Нормальное мясо, на курицу похоже. Сейчас попробуешь – за уши не оттащишь.

– Нет уж, благодарю. – Бергер развязал рюкзак и принялся выгружать продукты.

Полубой восхитился:

– Да, так жить можно.

– А прятаться от людей не надо, – назидательно сказал Бергер, – обиженного из себя строить не надо. А то – ишь ты! Пропадите вы все пропадом! Так?

– Нет, – хмыкнул Полубой, – не так... – И, продолжая ухмыляться, заговорщицки подмигнул: – Я тебе завтра такое покажу – ахнешь! И чтобы всем там сказал: Касьян Полубой с ума на Хлайбе и Афродите не сходил и готов предъявить доказательства.

– Касьян, я тебе и так верил... Пстой, какие доказательства?

– Завтра увидишь. – Полубой навалил кучу сухих ветвей, раздул головешку. Огонь весело заскакал по сухому дереву. – Ну, давай корми.

Бергер выложил на фольгу жареное мясо, огурцы, помидоры, краюху хлеба, домашний сыр. Полубой оглядел это великолепие и причмокнул.

– Знаешь, чего не хватает?

– Знаю. – Бергер достал литровую флягу и водрузил в центр импровизированного стола. – Кондрат прислал...

Полубой выпил из помятой железной кружки, Бергер – из походного раскладного стаканчика. Минут десять они переговаривались знаками – просили передать соль или предлагали друг другу налить по второй, а потом и по третьей. Наконец Полубой крикнул, удовлетворенно вздохнул и повесил над костром чайник.

– Ну, спасибо, друг. Уважил. Сейчас чайку еще хлебнем – и по койкам. А пока давай колись, зачем пожаловал.

– А что, я не могу просто так к другу в гости заехать?

– Костя, кому ты собрался парить мозги, как говорили твои любимые уркаганы в двадцатом веке? Что бы ты, да просто так, да в горы пешком?

– Ладно, в цвет попал, фраер, – принял тон Бергер, – стрелку я тебе с корешем забил. Порожняк гонять не будем, а перетереть много чего надо. Решили мы с его барином замутить на пару...

– Это ты со мной сейчас разговариваешь? – невинно спросил Полубой.

– А-а, баклан! Чего веточки гнешь, коли по фене не ботаешь? – хохотнул Бергер. – В общем, если ты отдохнул, то у меня есть к тебе предложение.

– У тебя или у твоего ведомства?

– У ведомства, и я надеюсь, что ты не откажешься.

– Опять кого-нибудь ловить или кончать... Да что я вам, киллер, что ли?

– Как получится. Ты что, не понимаешь, что я к тебе не от частной лавочки пришел? – рассердился Бергер. – Или на пенсии понравилось?

– Ладно, давай свое предложение, – буркнул Полубой.

Выслушав скупой рассказ Бергера, он молча снял с ветки закипевший чайник, насыпал в кружки заварку, налил кипятка. Из темноты возникли риталусы, легли головой к костру, посверкивая глазами. Бергер покосился на них, отхлебнул чаю, сплюнул попавшие в рот чайники.

– В общем так, Касьян. В этот раз работать будешь с напарником. Думаю, вы поладите, тем более что опыт совместной работы у вас уже есть.

Полубой почесал затылок:

– У меня опыт работы с половиной личного состава морского спецназа, Костя. Кончай темнить и говори дело. Кто мой напарник?

Бергер хитро прищурился и выдал торжественным тоном, каким обычно на официальных дворцовых приемах мажордом титулует вновь прибывших:

– Бывший боец невидимого фронта, рыцарь плаща и кинжала, а ныне пенсионер, Ричард Генри Сандерс...

В десять часов утра Бергер уже проклинал свою мягкотелость. Если бы он с утра настоял на своем, они уже спустились бы в долину и находились на пути к дому Кондрата Пилипенко. Однако вышло не так. Поднявшись в шесть утра, Полубой разбудил его, напоил крепким кофе, который успел приготовить, и в ответ на предложение спуститься к цивилизации и покинуть Луковый Камень заявил, что никуда не поедет, пока кое-что не покажет Бергеру. «В твоих же интересах», – добавил он многозначительно.

За три часа они поднялись в скалы еще метров на триста. Полубой шел впереди, прыгая с камня на камень не хуже горных козлов, которых они иногда видели. Риталусы были где-то рядом – пару раз Бергер замечал тусклый отблеск чешуи на их боках, но самих зверей ни разу не обнаружил.

Полубой неожиданно исчез из виду. Бергер завертел головой, осторожно прошел немного вперед и удивленно присвистнул – перед ним, внизу, лежала ровная площадка, диаметром около двадцати метров. Здесь не росло ни кустика, ни травинки. Полубой, уже спустившийся, помахал рукой:

– Давай сюда.

Риталусы сидели возле его ног и смотрели на Бергера, будто укоряя за медлительность.

Спустившись, Бергер присел на ближайший валун, достал флягу и вволю напился.

– Касьян, – сказал он, завинчивая крышку, – я, мать твою, штабной работник. Я не пацан из экстрим-клуба. Я – кабинетная крыса. Ты что, думаешь, мне доставляет удовольствие прыгать по скалам? Если ты не объяснишь, какого черта...

– Слушай, штабной работник, если за то, что я тебе сейчас покажу, тебе не дадут очередную звездочку на погоны, я пойду служить добровольцем в корпус морской пехоты Содружества Американской Конституции.

– Очередную звездочку мне не дадут – могут дать одну большую, но вряд ли. Два контр-адмирала на одно ведомство – это перебор. Но считай, ты меня заинтриговал. Что здесь такое? Место для пикника? Поляна под шашлычок? А где дрова?

– Ты зря смеешься. – Полубой подошел к почти отвесной скале, примерился к базальтовой глыбе, уперся руками и грудью и с натугой сдвинул ее в сторону.

Бергер подошел поближе. За камнем открылась узкая щель, сквозь которую с трудом мог протиснуться человек. Риталусы, шмыгнув между ног Бергера, скрылись внутри.

– Фонарь есть? – спросил Полубой.

– Есть.

– Зажигай и двигай за мной. – Касьян пролез в щель.

Бергер скинул рюкзак и последовал за ним. Проход был узкий, плечи почти касались стен. Свет фонаря терялся в высоте – щель, по которой они двигались, тянулась высоко наверх. Воздух был свежий, под ногами сухо, пол постепенно понижался. В стенах кое-где посверкивали слюдяные отложения. Полубой не оглядываясь топал вперед, и Бергер только диву давался, как он может что-то различать в кромешной темноте.

– Пришли. – Полубой отступил в сторону.

Луч фонаря растворился в тусклом свете, падающем сверху, и Бергер тихо ахнул – они стояли в зале, забитом непонятным оборудованием, неведомо как и кем перенесенным в глубь горы. Полубой, насладившись оторопью приятеля, подошел к гладкой, матово поблескивающей стене.

– Я тут почти ничего не трогал – кто его знает, каким образом обезопасили это место от незваных гостей, но вот это, чисто случайно, включил. Посмотри, ничего не узнаешь?

Стена пропала, и в воздухе с легким шелестом проявились знакомые Бергеру контуры. Он даже оглянулся, сверяя точность воспроизведения. Да, голограмма воспроизвела тела риталусов с поразительной точностью.

– Смотри дальше, – сказал Полубой.

Голографические изображения приняли незаконченный вид – отсутствовала чешуя, затем удлинились конечности, голова приняла другую форму. Проекция поворачивалась, давая возможность наблюдателю ознакомиться с изображением в различных ракурсах.

– Мне кажется, здесь показана эволюция риталусов.

– А дальше есть что-нибудь?

Изображения снова изменились, и Бергер покачал головой.

– Это похоже на поиск оптимальной формы, – задумчиво сказал он, – у тебя есть этому объяснение?

– Я прокрутил картинки почти до начала. Там пошли какие-то формулы, причем ни язык, ни цифровой код мне неизвестны. Кто-то создал этих зверушек, вот единственное, что я понял. И кажется, я знаю, кто. Вот, взгляни. – Полубой поманил Бергера к какой-то куче тряпья, лежавшей неподалеку, Бергер раньше ее не заметил. Касьян присел на корточки. – Так выглядел тот урод, которого риталусы прикончили на Хлайбе, после того как расстался с жизнью.

Бергер пригляделся. Перед ним лежало нечто, похожее на мумию. Толстый слой пыли обрамлял тело по контуру, словно под воздействием времени оно распадалось, осыпаясь прахом.

– Очень интересно, – протянул он, поднялся на ноги и осмотрелся. – Касьян, больше мы здесь ничего трогать не будем. Ты сейчас идешь к Кондрату, собираешь вещи, свои и мои, и возвращаешься сюда. Как думаешь, на площадке перед входом сядет посадочный модуль?

– Думаю, да. Вызовем полицию из Каменного Донца, оцепим район и...

– Нет, – резко сказал Бергер. – Я вызову людей с Нового Петербурга. На Луковом Камне никто не должен знать, что этим местом заинтересовался кто-то в столице. Никто, ты понял? Кондрату и Таисии скажешь, что я вызвал модуль и мы улетаем, сам вернешься сюда, и мы с тобой проведем здесь несколько дней до приезда специалистов.

– Стало быть, отпуск продолжается, – буркнул Полубой.

– Точно, но затянется он не более чем на три-четыре дня.

Погода в горах меняется быстро. Когда они вернулись ко входу в пещеру, небо обложили тяжелые тучи, подул резкий ветер. Полубой хотел помочь Бергеру поставить палатку, но тот отмахнулся, сказав, что пусть лучше Касьян поспешит к Кондрату, а здесь он и сам управится. Полубой оставил с Бергером одного риталуса; присев на корточки, приподнял зверю морду и

несколько секунд смотрел в глаза, после чего сказал, что теперь он за друга спокоен, и скрылся в нагромождениях скал.

Бергер быстро собрал спутниковую антенну, дождался, пока над горизонтом взойдет геостационарный спутник, и личным кодом связался с орбитальной крепостью. Вызвав командира, он передал через него сообщение в штаб разведки флота с литерой ВВО – «вне всякой очереди», – дождался подтверждения приема и, не выключив передатчик, принялся ставить палатку. И вовремя – на землю упали первые капли дождя, а через несколько минут с неба обрушился не по-летнему холодный ливень.

Бергер, сидя под пологом, смотрел, как по камням скачут крупные градины. Риталус сидел возле палатки, подняв острую морду навстречу дождю, и, казалось, наслаждался. Представив, каково сейчас Касьяну, Бергер передернулся.

– Ну, ничего, – пробормотал он, – мальчик взрослый, а если простудится – вылечим. Не забыл бы у Кондрата лекарство захватить.

Глава 2

Таможенник расстегнул молнию на сумке, раскрыл ее и вяло покопался в вещах. Словно он уже принял какое-то решение и теперь только делал вид, будто что-то ищет. Еще когда Касьяна попросили пройти для досмотра вещей, не ограничившись просвечиванием, ему показалось это странным. Может, лицо его не понравилось таможенникам, а может, у них случился внеочередной приступ служебного рвения. Полубой решил не поднимать шум – чем меньше он запомнится на таможне, тем будет лучше.

– Боюсь, мне придется попросить вас пройти личный досмотр, – сказал офицер, пожав плечами.

– Скажите честно: вам не понравилось мое лицо.

– Сэр?

– Я похож на какого-то террориста? Что, ДНК совпал? Или лишнее спиртное привез? Я понимаю, если бы вам не понравились мои зверушки, – Полубой потряс поводком, на котором на шлейке чинно сидели риталусы, – но сам-то я чем вам не угодил?

– Сэр, мне крайне неприятно, но я вынужден повторить свое предложение. Личный досмотр займет всего несколько минут.

Полубой глубоко вздохнул, чтобы не наговорить дерзостей.

– Ладно, пошли.

Таможенник взял его сумку и зашагал вперед, показывая дорогу.

Космопорт Нью-Вашингтона был почти пуст – летний туристический сезон закончился с приходом холодных осенних дождей, а до Рождества было еще далеко. Несколько клерков скучали у стоек, провожая Касьяна и офицера безразличными взглядами – ну, попался мужик на провозе какой-нибудь экзотической зверушки или запрещенных к ввозу продуктов. Слава богу, преступники предпочитают не приземляться на космодроме столицы – слишком серьезные меры безопасности.

Таможенник отворил дверь, пропуская Полубоя вперед, вошел следом и поставил его сумку на длинный, покрытый пластиком стол. Из-за стола поднялась девица лет двадцати трех – двадцати пяти, в деловом костюме из тонкой шерсти. Белоснежная блузка выгодно оттеняла загорелое лицо с чуть курносый носиком. Она была высокая, стройная и рыжая. Взгляд неприлично синих глаз скользнул по присевшим возле двери риталусам, после чего девица принялась откровенно рассматривать Полубоя, как какую-то диковинку. Таможенник начал расстегивать сумку, но девица остановила его жестом и, вздернув подбородок, несколько надменно произнесла:

– Благодарю, вы можете быть свободны.

Офицер коротко поклонился и исчез за дверью.

Полубою стало интересно: как это она собирается его досматривать? Впрочем, почему бы немного не похулиганить?

– Досмотр так досмотр, – прогудел Касьян и потянул через голову свитер. Бросив свитер на стул, взялся за ремень брюк.

На лице девицы появилось странное выражение – казалось, она никак не может решить, то ли наорать на охамевшего самца-сексиста, то ли просто сделать строгое лицо учительницы младших классов и попросить его вести себя прилично, но затем, будто очнувшись, она вдруг насмешливо вздернула бровь:

– Майор Касьян Полубой, морской спецназ, подразделение «Бешеные медведи»?

Полубой насторожился. В миграционной карте он написал просто «пенсионер». Ну, Костя, за что ваши чинуши хлеб едят? Не успел приехать – уже засветился...

– В отставке, – уточнил он на всякий случай.

Девушка приблизилась, подняла голову, глядя ему в лицо, и протянула руку:

– Специальный агент Клейн. Вы знаете, майор, я вас таким и представляла.

– Э-э... рад соответствовать... м-м... А что, досмотра не будет?

– А вам этого хочется? – Мисс Клейн иронично усмехнулась. От этого ее лицо стало просто обаятельным и приветливым. – Нет, досмотра не будет. Прошу извинить за некоторые неудобства, но мне надо было поговорить с вами с глазу на глаз. Мне о вас много рассказывал мой бывший напарник, Дик Сандерс.

– Дик? – Полубой широко улыбнулся. – Что ж вы сразу не сказали? Как он? Где я его могу найти?

– Присаживайтесь, господин майор...

– Просто Касьян.

– Тогда просто Абигайль. Дик в порядке, насколько я знаю. Чтобы расставить сразу все точки, скажу: я буду осуществлять связь между вами и... еще одним лицом, заинтересованным в успехе вашей деятельности. Должна заметить, что все наши действия носят... э-э-э, неофициальный характер. Много я пока рассказать не могу, но позже вы все узнаете... Пока же вы встретитесь с Ричардом. Его вы найдете на ранчо. После выхода в отставку он живет там постоянно.

– Угу... Как мне туда попасть?

– Вас доставят, Касьян. Выйдете из главного входа, возьмете такси, и вас отвезут прямо на ранчо. – После некоторой заминки она внезапно спросила: – А скажите, это правда, что вы спасли Сандерсу жизнь?

– Ну... то есть у нас это... как его... взаимно, – немного смущенно пробормотал Полубой. С одной стороны, что за разговоры – спасли жизнь, спасли жизнь... Не в бирюльки, чай, играем. Если бы Касьян считал, кому он и кто ему когда и что спас, – уже давно бы со счета сбился. С другой стороны – когда такая симпатичная деваха, да еще иностранка, блин, этак с придыханием об этом спрашивает – ну приятно же...

На пару мгновений в помещении установилась неловкая тишина, а затем Абигайль продолжила:

– Вы знаете, он вас цитировал, когда мы работали вместе. И я очень хотела познакомиться с человеком, который произвел на Ричарда, – (когда она произнесла это имя, Полубой понял, что Сандерс в глазах агента Клейн слегка «подвинул» Супермена), – такое впечатление. Кстати, о ваших питомцах он тоже рассказывал. – Она с любопытством окинула взглядом риталусов. – Не могу поверить, что такие крохи могут быть смертельно опасны. Похоже, вы необыкновенный человек, Касьян...

Полубой скромно потупился. В поле зрения попали длинные ноги специального агента, и он внезапно вспомнил, что со времени разрыва с Лив так и не удосужился завести подружку.

– Все это, конечно, приятно, однако дело прежде всего, – напомнил он.

– Да. – Абигайль тряхнула головой и, тихонько рассмеявшись, констатировала: – Так вы и должны были сказать: дело прежде всего. Извините, Касьян, вы, конечно, правы. Итак, то лицо, о котором я упоминала, посетит вас, скорее всего, послезавтра. Я понимаю, вам предстоит встреча с другом, но постарайтесь все же быть в форме. – Мисс Клейн поднялась и протянула Полубою руку: – Очень рада была с вами познакомиться.

– Я тоже рад. – Полубой резко наклонил голову и прищелкнул каблуками.

Получилось достаточно эффектно, даже если учесть, что он был в гражданской одежде.

Таможенник, ожидавший за дверью, проводил его до выхода из космопорта.

Полубой огляделся, поднял руку, и к нему тотчас подрулил желто-синий глидер со свешивающейся пирамидкой на крыше. Полубой забросил на сиденье сумку, устроил на левом сиденье риталусов, забрался в салон и захлопнул дверцу. Водитель, не спрашивая, куда его везти, тронул машину, поднимая ее в коридор, отведенный для пассажирских перевозок.

Полубой бросил рассеянный взгляд вниз, на столицу Содружества. Несмотря на то что раньше здесь не бывал, он остался равнодушным к иглам небоскребов и морю рекламных огней, разливающемуся в вечернем сумраке. Все современные города похожи один на другой. А Новый Петербург, пожалуй, и побольше будет... Да даже если бы он и хотел рассмотреть что-то, пелена мелкого надоедливой дождя свела бы эти усилия на нет.

Дождь преследовал его почтай уж полторы недели – четверо суток почти под непрерывным дождем на Луковом Камне в ожидании команды, которую затребовал Бергер, затем на Новом Петербурге, пока он общался с начальниками Кости и пока делали визу, и вот теперь здесь, на Нью-Вашингтоне.

Палатку, которую Бергер поставил возле пещеры, в конце концов едва не смыло – ливень шел непрерывно. Они перебрались в пещеру, хотя Константин и скрипел насчет того, что каждый сантиметр обнаруженной лаборатории необходимо обследовать и они могут затоптать важнейшие следы. За четыре дня безделья он обрисовал Касьяну создавшуюся ситуацию. На их ведомство вышел некий важный джентльмен, имя которого Полубой пока знать не нужно (но на то, что это очень осведомленный и чрезвычайно влиятельный человек, указывала и встреча в порту), и предложил провести совместную операцию. Сначала предложение было воспринято с бо-ольшой осторожностью. Но затем, когда джентльмен предоставил некие доказательства своего серьезного отношения, дело пошло. Как понял Касьян, доказательства заключались в том, что с ведомством Бергера поделились информацией, причем такой, которая не только подтверждала те сведения, которые он, Полубой, принес с Хлайба, но и проливала свет на некие аспекты враждебной деятельности в других областях... Как выяснилось, инфильтрация в структурах Содружества достигла такого уровня, что данный джентльмен, несмотря на свой крайне высокий пост, оказался сильно ограничен в возможностях противодействия. Потому и был вынужден обратиться к русским. Ибо вероятность утечки информации, даже если бы он обратился к ведомствам государств, считающихся союзными или хотя бы дружественными, была неоправданно велика.

– Издержки демократии, – криво усмехнулся Бергер. – Как только наши коллеги пытаются напомнить о секретности того или иного проекта, им тут же напоминают, что конгресс, а следовательно, и народ, имеет право знать, на что тратятся деньги налогоплательщиков.

– А у нас что, лучше? – недовольно буркнул Полубой.

Бергер усмехнулся:

– У нас – лучше.

– Да ладно, – махнул рукой Полубой, – один хрен, только вид сбоку. Думцы всю жизнь во все щели свой нос суют. Я вон помню, даже к нам в казарму делегация приходила. Все головами крутили да пальцами тыкали. Я два часа отдувался. «А это что, офицер? – передразнил он. – А это как работает? А за что у вас вот эта нашивочка да эта медалька?» И сказать ничего нельзя, потому как потом флотская контрразведка с говном сожрет, и на военную тайну не сошлешься, потому как думцы тут же рожу скривят – выньте нам да положьте, мы, мол, депутаты, нам до всякой государственной тайны дело есть.

Бергер хохотнул:

– А ты как думал? Народ должен знать своих героев... Особенно в тот момент, когда они в дерьмо вляпываются. Поэтому терпи. Но у нас на самый крайний случай есть «личный патронаж императора».

Полубой скривился. Да уж, куда крайней... В принципе, если что-то считалось находящимся под личным патронажем императора, то никому другому, кроме назначенных им лиц, туда нос совать не следовало – прищемят, а то и напрочь оторвут. Но поскольку время от времени по этому положению в законодательстве поднималась очередная буча в парламенте именно под маркой «Народ должен знать, на что тратятся...», патронаж объявлялся не часто.

Кроме того, свято соблюдалось правило, что распространяться он может только на действительно очень важные и секретные дела, в которые император погружается лично и, так сказать, по самую макушку. А если не доверять императору, то кому тогда доверять-то?..

Между тем Бергер продолжил:

– Еще один нюанс: по этому делу работаем только мы: я и Леонидов... Поэтому связь через посольство исключена.

– То есть? – удивился Полубой. – А контрразведка? А Государственная безопасность, а...

– Только мы, – повторил Бергер. – И вызвано это не конкуренцией между ведомствами, Касьян. Сейчас нам не до соперничества. Где-то есть утечка. Помнишь, что случилось с генералом Амбарцумяном? Есть мнение, что это была попытка сканировать его мозг.

– Твою мать! А вы куда смотрели, шпионы хреновы?

– Спокойно. Чего ты орешь? Меры принимаются, однако не так все гладко идет, как хотелось бы. Проверять надо всех, начиная с самого верха. А как ты себе представляешь, к примеру, проверку исполняющего обязанности начальника контрразведки полковника Стрепетова, старшего офицера и, заметь, потомственного дворянина, чьи предки двенадцать поколений жизнь клали на службе государю и Отечеству?.. Вот то-то. Поэтому приходится задействовать минимальное количество людей: ты, Сандерс, м-м-м... наш пока еще тайный для тебя визави, я и Леонидов. Техническую поддержку вам обещали организовать, но в остальном надейтесь только на свои силы. Считаю, что ты на вражеской территории.

– А почему именно я? – недоверчиво спросил Полубой. – Чего это вы к пенсионеру цепились? У вас, чай, своих натасканных пруд пруди.

– Ну не пруд, но есть, – кивнул Бергер. – Но вишь, какая закавыка... – Он пожевал губами. – Нам нужна команда, гарантированно способная справиться с «существом», даже столкнувшись с ним лицом к лицу...

Полубой посмотрел сквозь стекло на «территорию потенциального противника». Город уплывал назад, и под короткими крыльями глидера появились пригородные коттеджи, в основном двухэтажные, с черепичными крышами, аккуратными лужайками, бассейнами и подстриженным кустарником. Словом, мечта любого нормального члена общества – собственный дом. Людей с высоты в полторы тысячи футов, да еще в дождь и сумерки, было не разглядеть, но Полубой не жалел. Ему казалось, что и люди здесь живут такие же скучные, похожие друг на друга и до унылости однообразные, как их жилища.

Наконец и пригороды остались позади. Через сорок минут полета над темной равниной с редкими тусклыми огнями далеко внизу машина пошла на посадку. Пилот включил прожекторы, как бы желая предупредить о прибытии. Резкий свет вырвал из мрака пустой загон, двухэтажный дом, мокрые кусты во дворе, дрова под навесом, беседку. Желтый свет из широких окон пробивался сквозь дождливую хмарь, освещал раскисшую землю перед крыльцом. Полубой задумчиво почесал затылок. Да-а, дыра дырой... Он ожидал всего, но чтобы Дик Сандерс уединился в забытом богом углу? Дик любил свет, тусовки, женщин и выпивку... хотя пить можно и в одиночку. И если он пьет в одиночку, то как напарник уже никуда не годится...

Глидер завис посередине двора, Полубой распахнул дверцу, подхватил сумку и выпрыгнул наружу. Под ногами чавкнула глина. Риталусы выскочили из машины, пилот аккуратно поднял глидер, и через секунду тот скрылся в дождевой пелене. Полубой выругался, вытер лицо ладонью и сделал шаг по направлению к дому. Что-то было неладно – по спине побежал озноб. Такое ощущение бывало, когда Касьян проходил силовое поле чужого корабля при абордаже, однако после Хлайба он заметил за собой странную способность чувствовать электронное наблюдение. Разница в ощущениях была ничтожной, но Полубой уже классифицировал ее – сейчас он находился под куполом подавления датчиков движения и биосенсоров.

– Однако... – протянул он. – Хорошо же тут встречаются старых друзей.

Поднявшись на крыльцо, Касьян толкнул дверь, пропустил вперед риталусов и оказался в прихожей. Что-то будто пробежало по лицу и телу, он догадался, что его сканируют на предмет оружия.

За распахнутой из прихожей дверью он видел зал. Судя по отблескам на паркетном полу и обшитых деревом стенах, там горел камин, а если принять во внимание запах, то можно было с уверенностью сказать, что гостя ждали – аромат жареного мяса проголодавшийся Полубой спутать ни с чем не мог.

– Ричард, – позвал он, – завязывай в игрушки играть!

– Проходи в комнату, – отозвались знакомым голосом, – я сейчас.

Полубой скинул запачканные глиной ботинки и вошел в зал. Риталусы, оставляя на паркете следы лап, протопали к камину и устроились на мохнатом ковре. Приглушенный свет лился из настенных бра, освещая накрытый стол в центре комнаты. Тарелки тонкого фарфора казались прозрачными, хрустальные бокалы и графин искрились радужным светом. Обоняние не подвело – в камине, на вертеле, проворачивался поросенок фунтов на тридцать.

Полубой крикнул, развязал рюкзак, достал из него две литровые бутылки «Династии» и водрузил на стол.

– Вот теперь порядок, – пробормотал он.

Дверь в соседнюю комнату была распахнута, и Полубой переступил порог. Сандерс сидел перед панелью из нескольких мониторов, бегая пальцами по пульту.

– Один момент... – сказал он, не поворачиваясь. – Всё! Чисто. – И, поднявшись с кресла, широко улыбнулся: – Ну, здравствуй.

– Здорóво.

Они обнялись, Полубой похлопал Сандерса по спине, оторвал от себя, разглядывая. Дик был все такой же – смазливое смуглое лицо, обворожительная улыбка, уверенный взгляд.

– Ты еще больше стал, – сказал он, – не обхватишь!

– Растем, – прогудел Полубой. – А ты никак не успокоишься, – он кивнул на мониторы. – Мне говорили: Сандерс на пенсии, а ты – вон, целый комплекс слежения у себя разместил. Я еще во дворе почувствовал, что меня просвечивают.

– Не только тебя. Мои... друзья устроили тут тестирование оборудования нового спутника, в безлюдной, так сказать, местности, так что весь район накрыт «куполom» со спутника, отсекающим возможную утечку. Но, кажется, все тихо.

– Во как серьезно...

– А ты думал! Ладно, пойдем к столу. Все расскажу, но сначала – за встречу.

– Правильно, я как раз там кое-что привез.

– Ого! Ты и риталусов прихватил. Вот это правильно, – одобрил Сандерс.

Водка также вызвала у него одобрение, хотя Полубой и знал, что Дик предпочитает виски или коньяк. Полубой свернул пробку, чокнулись хрустальными фужерами, глядя в глаза, выпили. Сандерс наколот на вилку маринованных мидий, передал Касьяну, сам бросил в рот маслину.

– Ох, хорошо. Давно нормально выпить хотел, да не с кем было. Ну-ка, помоги.

Вдвоем они сняли вертел, переложили поросенка на блюдо. Не удержавшись, Сандерс отломил полупрозрачное ухо, захрустел, Полубой досталось второе. Без ушей у поросенка был обиженный вид.

Больше Сандерс не позволил гостю прилагать хоть какие-то усилия – сам разделал поросенка, выложил на тарелки, подал молодой жареный картофель. Налили по второй и приступили к еде.

Полубой с удовольствием отметил, что Сандерс в приличной форме – хороший цвет лица говорил о том, что он не распустился, отойдя от дел. Фигура была стройная, ни грамма лишнего веса, движения точные и уверенные. Обгладывая хрящики, Касьян как бы ненароком осмотрел

комнату. Нет, Дик не бедствовал, выйдя на пенсию. Да и глаза у него были не как у отставника – Полубой приходилось видеть этот недоуменный взгляд человека, который привык быть нужным, востребованным и внезапно оказался в стороне от событий. Так что Сандерс, похоже, как и он сам, в отставке только формально. Значит, еще повоюем. Жалко, не все...

Уже перед отлетом, прощаясь с Бергером, Полубой попросил того выяснить, как дела у Небогатова.

Бергер пожал плечами:

– Чего выяснять-то, и так все известно.

– А чего ж молчал? – рассердился Касьян.

– Обрадовать тебя нечем было, вот и молчал. – Бергер вздохнул. – Хандрит Кирюха. Тяжко ему, молодому, в сущности, офицеру, выходить в отставку по здоровью. Он же у нас всегда был очень амбициозным. А теперь... Ты ведь знаешь, ему прилично досталось. Если бы не твой лейтенант, Кирилл ни за что не ушел бы с «Дерзкого».

– Может, ему при штабе флота дело нашлось бы? – неуверенно предположил Полубой.

– Ты представляешь Кирилла при штабе? Я – нет. Есть у меня некоторые соображения, но вот захочет ли он, при своей щепетильности, заняться тем, что мы хотим ему предложить... Ладно, пусть у тебя сейчас голова об этом не болит – Кирюху я не брошу. Ты думай о том, что тебе предстоит. Надежен ли Сандерс, сможете ли вы, практически вдвоем, почти без прикрытия, сработать как надо?..

Полубой отложил обглоданную кость и взглянул на Ричарда. Да, теперь Касьян был уверен, что тот не подведет, а его отставка – не более чем тактический ход. Он бросил в рот кусок ароматного, хорошо прожаренного мяса и задумался.

– Прикидываешь, о чем можно говорить со старым приятелем, а о чем – нельзя? – спросил Сандерс.

Касьян насупился. Вот ведь незадача... Ну что за игры? Одно дело делаем, а все равно друг от друга таимся, будто тати. С другой стороны – такова жизнь. Тем более что союз этот пока (даст Бог, пока) всего лишь временный. Так что государственные тайны никто пока не отменил.

– Дик, ты знаешь, я не шпион. Я – диверсант и поэтому не буду состязаться с тобой в риторике. Если что-то мне говорить не разрешили, я промолчу, а ты, уж будь любезен, не пытайся вызвать меня на откровенность.

– Ладно, договорились. Не больно-то мне и нужны ваши имперские секреты.

– Даже о новых орудиях? Ну, на которых два месяца назад погорел ваш «крот» в штабе Третьего флота? – невинно спросил Полубой.

– Так это ж совсем другое дело! – воскликнул, воодушевляясь, Сандерс. – Хочешь много денег, баб и водки – рассказывай!

Риталусы приподняли головы, удивляясь внезапному громогласному смеху, прозвучавшему в унисон: Полубой грохотал, всплескивая руками и утирая слезы, Сандерс рассыпал ехидный смех, мотая головой и тыча пальцем в сторону приятеля.

Отсмеявшись, он предложил Касьяну добавки, но тот отказался.

– Тогда к делу.

Сандерс принес объемистый кофейник, бутылку коньяка, и они уселись перед камином, вытянув ноги к огню.

– Кто начнет? – спросил Сандерс, закуривая толстую сигару.

– Ты. Как я понимаю, ты оказался не у дел раньше меня, вот и расскажи, каким образом тебя «ушли» из разведки.

– Ну что ж, справедливо, – задумчиво сказал Сандерс. – Значит, так, это дело получило у наших щелкоперов название «Секта»¹. Дело сразу пахло весьма тухло, а когда я узнал, кто будет моим напарником, так впору было писать рапорт об отставке. Теперь-то я понимаю, что шеф готовил человека, на которого сможет положиться, когда я уйду, но тогда я его возненавидел. И ее тоже... А кстати, она должна была тебя встретить в космопорту.

– Мисс Абигайль Клейн? Она и встретила. Симпатичная девочка. И очень уважительная такая...

Сандерс тихонько хмыкнул.

– А еще она сказала, – Полубой отхлебнул кофе, выдерживая паузу, – что ты меня цитируешь и вообще, – он пошевелил пальцами, – относишься ко мне с великим пиететом.

Сандерс расхохотался:

– А поклон перед твоим портретом не бую?

– Да кто тебя знает, – невозмутимо отозвался Касьян, с нарочитым подозрением приглядываясь к углам Сандерсова жилища.

На этот раз заржали оба.

– Ну раз так, – отсмеявшись, вскинул рюмку Сандерс, – за тебя! А если честно, то – да! Ты один из немногих людей, про кого я могу сказать, что «он действительно вправил мне мозги».

Полубой, слегка смутившийся от подобного заявления, протянул свою.

– Да ладно, чего там... – пробормотал он.

Опрокинули рюмки, и пару минут в комнате был слышен только хруст пороссячих косточек на крепких зубах. А затем Сандерс вытер руки салфеткой и откинулся на спинку кресла.

– Ну, слушай дальше. Еще в первой трети разработки операции я почуял что-то знакомое. Помнишь, как нас на Хлайбе ошеломил тот фиолетовый засранец?² Вот и здесь было похоже, что кто-то исподволь начинает зомбировать людей. В конце концов наверху пирамиды нарисовался некто Майкл Макнамара...

– Ага... этот господин и нам знаком, – отметил Полубой, вспомнив о том, что ему рассказывал Леонидов, – только мне кажется, что наверху не он.

– Да, скорее всего, не он. А вы молодцы – сразу ухватили суть. После сопоставим выводы. В общем, задание оказалось не из легких, и прежде всего из-за напарницы...

Сандерс негромко рассказывал о деле «Секты», задумчиво глядя в огонь, будто заново переживал те события. Несколько раз он поморщился, и Полубой заметил, что Дик о чем-то умолчал, но не придавал этому значения. Сандерс был профессионал и если не сказал о чем-то, значит, это не имело непосредственного отношения к делу. Либо тоже не мог говорить... Пока же Касьян, видя, что приятель увлекся воспоминаниями, взял на себя обязанности виночерпия.

– Выводы я изложил письменно, но только те, которые от меня хотели услышать шишки из сената. То есть: на что и как потрачены деньги налогоплательщиков. Получилось, что детишек высокопоставленных членов общества я не спас, а даже наоборот – взорвал к чертовой матери на этом гнусном астероиде в вонючей пещере, где они жрали друг друга. Козла отпущения даже искать не надо было: Ричард Сандерс провалил все дело. Вот так, мой дорогой.

– Да-а... круто у вас.

– Ну, у вас тоже виноватых не долго ищут. Ты что, сам в отставку попросился? Я ведь знаю о кампании против гетайров – пресса весьма подробно все освещала. Да и по другим каналам... Наши повели себя просто позорно. Ты ведь участвовал в деле на Акмоне? Расскажешь?

– Не столько на Акмоне, сколько на Афродите³, – уточнил Полубой. – Расскажу, конечно. К тому же это напрямую касается нынешнего задания.

¹ См. роман Р. Злотникова, А. Николаева «Счастливчик Сандерс». (Примеч. ред.)

² См. роман Р. Злотникова, А. Николаева «Охота на охотника». (Примеч. ред.)

³ См. роман Р. Злотникова, А. Николаева «Правило русского спецназа». (Примеч. ред.)

– А что это за темная история с гетайром Птолемеем?

– Вот об этом я говорить не могу. Извини, государственная тайна.

– Ха! Тоже мне тайна. Он ведь племянник вашего императора?

Полубой насутился:

– Сказал – не буду говорить, значит – не буду.

– Ладно, ладно. Короче, из дела «Секта» я вынес твердое убеждение, что кто-то серьезно готовится противодействовать нам. В смысле, нам всем, человечеству. Ищет слабые стороны, проверяет на внушаемость, на интеллект, тестирует физические кондиции и попутно готовит «пятую колонну». Да, в той пещере на астероиде, кроме наших старых знакомых, которых мы классифицировали как троллей, было еще одно существо. Скажу тебе прямо: с ним я бы не захотел встретиться, даже если у меня в руке будет келимитовый клинок. Есть такой персонаж в народном эпосе старушки Земли – казгарот. То ли чудище, то ли заколдованный урод, но дикой силы тварь. По-моему, это имя очень подходит тому, кого я встретил в пещере. Так вот, я лупил в этого казгарота из плазмобоя с сорока ярдов. Ты веришь, два раза промазал – он двигается с непостижимой быстротой. Под конец я всадил в него три заряда в одно и то же место, и только после этого он издох! – Сандерс передернул плечами, отгоняя кошмарные видения, и залпом выпил коньяк.

– Ну что ж, примем к сведению, – буркнул Полубой. Подбросив поленьев в камин, он потер подбородок. – Теперь послушай, что имеем мы.

Его рассказ занял немного времени – свои приключения в качестве капитана пиратского корабля он почти пропустил, лишь мимоходом коснулся миссии эсминца «Дерзкий» – рассказал, что с транспортника, принадлежащего корпорации Макнамары, пытались сканировать эсминец. Упомянул встречу с Ахмет-Гиреем, передав Сандерсу привет от их общего друга, и в деталях описал схватку с Оранжевым существом на Афродите.

– Как видишь, или эта раса состоит из разноцветных существ – тогда надо обдумать, чем они отличаются друг от друга... или они меняют цвет в зависимости от обстоятельств. Тогда вопрос – каких?

– Хм... интересно. А что еще по Макнамаре ты можешь сообщить?

– Есть несколько фактов, которые прямо указывают, что у него рыльце в пушку. Например, по нашим сведениям, именно с его подачи ваш флот расстрелял транспорты с переселенцами, в результате чего корабли Содружества были отозваны и в деле против гетайров не участвовали. Еще – ни один его корабль не был захвачен гетайрами. Ну, попытку сканировать наш эсминец можно расценить и как промышленный шпионаж, однако в засаду у системы Лотар мы попали после того, как побывали на Сан-Анжело. На этой планете один из управляющих его корпорации, некто О'Киф, был фигурой, сравнимой по власти с губернатором. Кстати, после разгрома гетайров О'Киф бесследно исчез. Если вы попытаете обнаружить его – и если удастся это сделать, то, вполне возможно, мы поймем, где и как противник планирует нанести следующий удар.

– Это можно будет попробовать. И вообще, пора перехватывать инициативу. Не знаю, как ты, а я предпочитаю играть по своим правилам.

– Согласен. Предложения есть?

– Есть, но лучше, если тебе их озвучит тот, кто и является инициатором всей этой истории.

– Ну наконец-то, – буркнул Касьян, – хоть познакомлюсь. А то, «некое лицо», «некое лицо»... – Он покачал головой. – Ну а в общих чертах?

– Ну если только в общих чертах... – усмехнулся Дик. – Мы долго разрабатывали этот план, собственно, под тебя он и был составлен. Вкратце: надо будет внедриться непосредственно в штаб-квартиру корпорации «Макнамара инк.». Я – засвечен, так что придется это

сделать тебе. Техническую и силовую поддержку обеспечу я, а если ты задействуешь риталусов, будет вообще отлично.

Полубой посмотрел на дикуш, развалившихся на ковре. Звери подняли головы и посмотрели на него.

– Разберемся. Когда придет это твое некое лицо?

– Послезавтра. Так что у нас два дня отдыха, – подмигнул Касьяну Сандерс. – У тебя как с Лив?

– Никак. Мы разошлись.

– М-да... сочувствую. Я ведь почему спросил? – Сандерс сделал невинное лицо. – Бывают мужчины, которые... ну, если у такого есть женщина, так он считает, что изменять ей безнравственно. По-моему, исключительно ошибочная позиция. Ведь если ты любишь человека, то познать всю свою любовь сможешь только в сравнении. И еще раз убедиться, что она – само совершенство. А какое может быть сравнение...

– Кончай ты эту галиматью нести, – поморщился Полубой, – сказал же: я один.

– Тогда завтра гуляем по полной!!!

Полубой посмотрел на просиявшего Сандерса и покачал головой:

– Н-да... ты не меняешься. А еще пенсионер.

– Так когда же гулять, как не на пенсии?

Глава 3

Модуль пробил легкие облака, и внизу, сквозь дымку, Игорь Андреевич Селиверстов увидел ленту реки, громадный лесной массив, примыкающий к горам на востоке, а прямо под собой – четко, будто на карте расчерченные разноцветные квадраты.

Геннадий Решетников заглянул через его плечо в иллюминатор:

– Это наша столица – Рюрик. Мы сядем на западной окраине, там у нас космопорт будет. Место равнинное, удобное.

– Вижу. – Малоподвижное лицо Селиверстова ничего не выражало. – На сколько жителей рассчитана столица?

– На перспективу строим, Игорь Андреевич. Пока на всей планете около семи тысяч переселенцев. Пять из них здесь, полторы тысячи на юге, порт строят, человек пятьсот фермы поднимают. Это за Каменными лбами, на востоке. Там климат подходящий. Через две недели должны прибыть около четырех тысяч с Двины и Канина Носа. Потом, еще через неделю, с Кедр полторы тысячи. Растем помаленьку.

– Угу. – В глаза Селиверстову брызнуло золотом, он прищурился: – А это что ж такое? Никак церковь?

– Первым делом храм поставили, – подтвердил Решетников. – Прямо возле космопорта. Церковь Николая-угодника. Издавна морякам и путешественникам покровительствовал, ну а мы кто, как не путешественники. Вот, новые земли обживаем.

Двигатели модуля рыкнули, перегрузка придавила пассажиров к креслам. Решетников поморщился. «Просил же полегче на посадке», – подумал он, искоса взглянув на Селиверстова. Тот, отвернувшись от иллюминатора, сидел, сжав губы в тонкую линию, и сурово глядел прямо перед собой.

Перегрузка исчезла, модуль дрогнул – опоры утвердились на бетоне полосы. Люк пополз вниз, распрямляя сочленения трапа. Пахнуло свежестью, влажным ветром.

Решетников спустился по трапу, остановился, поджидая Селиверстова. Игорь Андреевич не торопясь сошел на землю, огляделся, вздохнул полной грудью, и внезапно на его лице появилась широкая улыбка.

– А как река называется? – спросил он.

Решетников растерянно поморгал – подобного вопроса он не ожидал.

– Смородина. Так уж назвали. – Он, будто извиняясь, развел руками.

– А рыба водится?

– Э-э... есть рыба. Что-то наподобие плотвы. Ну, еще окунь, щука встречается. Ерш опять же. Сами запустили. Пожелаете – организуем рыбалку.

– Обязательно пожелаю, – кивнул Селиверстов. – У вас ведь начало весны, да? Самый нерест. Эх и люблю с удочкой посидеть. Но сначала – дело. Давай, губернатор, веди, показывай.

От низких построек космопорта к ним уже летел глидер, и Решетников с Селиверстовым не спеша двинулись ему навстречу. Весенний ветер, не слишком теплый, продувал легкую куртку Селиверстова, и Решетников подумал, что не дай бог простудится высокий гость, а ему важно было, чтобы визит банкира прошел без сучка и задоринки. Слишком многое зависело от его положительного отзыва о новом мире, осваиваемом выходцами с северных планет Российской Империи.

Небольшая церковь была окружена едва зазеленевшими кустами черемухи и сирени. Селиверстов попросил остановиться, купил на входе свечку, перекрестился и вошел внутрь. Решетников последовал за ним, но, видя, что банкир склонил голову перед иконой, подойти не решился: разговор с Господом – дело личное. Узнать бы еще, о чем просит: о помощи в новом деле, или так, по привычке в храм зашел.

Губернатором Нового Города Решетников согласился стать сразу – последние месяцы на Двине было совсем невмоготу. Проверки с Нового Петербурга следовали одна за другой, зачастили борцы за демократию и права человека с «демократических» планет. С Содружества приезжали целыми делегациями, доморощенные демократы пели в уши Иевлеву – заместителю генерального прокурора – о том, что облик России прежде всего формируют иностранцы, ведущие дела на долговременной основе, осевшие в Империи надолго: купцы, представители крупных компаний. Притеснять иностранцев, запрещать строить собственные храмы и церкви, синагоги и мечети есть вызов всему мировому сообществу. Про своих подданных в горячке забывали, а тут еще в средствах массовой информации прошла волна статей, ток-шоу и выступлений известных и не очень политиков, бизнесменов, служителей церкви о необходимости блюсти народные традиции и беречь православную веру. Сериалы с незатейливыми сюжетами, прославляющие истинно русские ценности, шли по всем каналам головидения косяками. Стоило ли удивляться, что народ стал искать выход из тупиковой ситуации – если дома становится невмоготу жить так, как хочется, то не лучше ли построить новый дом? И место для нового дома было найдено – отбитая у гетайров система Лотар, переименованная временным командующим в системе адмиралом Белевичем в Орешек. Каким-то образом Ивану Зазнобину удалось выступить с обращением к гражданам северных планет, он призывал осваивать новую систему, обещая, что уж там-то переселенцы будут строить такое общество, которое захотят. Иевлев немедленно запретил повтор обращения, содрав сумасшедшие штрафы с руководства голоканалов, транслирующих его, но было уже поздно.

Решетников, которому Зазнобин предложил, с молчаливого согласия адмирала Белевича, пост губернатора единственной на тот момент освоенной планеты системы – Афродиты, выехал с первой волной эмигрантов. Планету переименовали в Новый Город, и губернатор с головой ушел в проблемы, по сравнению с которыми его прежний пост начальника центрального космопорта на Двине казался возней в детской песочнице. Начать с того, что переселенцам элементарно негде было жить – русский спецназ, подавляя сопротивление гетайров, раздолбал два городка, расположенных в умеренном поясе Афродиты, до основания. Хорошо еще, что с первой волной эмиграции на планету прибыли в основном мужчины и женщины без семей, готовые к лишениям на первом этапе освоения. Очень помогли и прежние поселенцы, которые выжили после бомбардировки и боя и остались на планете. Это оказались в основном люди работающие и вполне мирных профессий. Ибо тех, кто оказывал сопротивление, выбили подчистую. Русский десант не церемонился... Так что работа закипела, и вот контуры будущей столицы Нового Города – Рюрика, уже можно было узнать.

По всеобщему согласию движение транспорта в центре решили ограничить: хочешь ездить – кататься на лошадях, или ходи пешком. Центр столицы кольцом охватывал монорельс, под который уже были возведены опоры. Окраины решили застраивать индивидуальными домами в один-два этажа. Сразу по окончании возведения стен вокруг разбивали сад – саженцы фруктовых деревьев привезли специальным рейсом. Улицы были прямыми как стрела и все сходились в центр города, к Вечевой площади и зданию Народной Думы, где будет заседать будущее законодательное собрание системы Орешек.

Решетников метался между строителями, карьерами по добыче камня и щебня, фабрикой по производству строительных блоков и фермами, где уже вызревал первый урожай. Для начала сажали только самые неприхотливые и необходимые культуры: картофель, рожь, пшеницу, овощи, – их урожай должен был помочь пережить первую зиму. Своих мясо-молочных ферм еще не было, и поэтому пришлось запастись консервами. Кроме того, на Решетникова свалилась обязанность подготовить оборону Нового Города. Тут уж он взвыл и заявил Зазнобину, который координировал переселение с северных планет, что слагает с себя пост губер-

натора и уходит в разнорабочие на стройку. Иван долго его уламывал и в конце концов пообещал, что найдет человека, который займется обороной планеты.

Неизвестно, какие золотые горы Зазнобин ему посулил, но через месяц на Новый Город прибыл Емельян Казанков, да не один, а с женой. Поселились они по соседству с Решетниковым, в недостроенном двухэтажном доме на Южной окраине Рюрика, и с тех пор у Решетникова проблем прибавилось. Оксана сразу потребовала строить детские сады, ясли, больницы и готовить инфраструктуру города к появлению в нем маленьких жителей – вот-вот могла начаться вторая волна переселения, и на этот раз, как предупредил Зазнобин, большинство семей поедет с детьми.

Только успели расселить людей и перезимовать, как начались проблемы: финансировавшие переселение банки северных планет практически исчерпали свободные капиталы. Решетников завернул заявку на три десятка «единорогов» и двенадцать «фаланг» от Александра Одинцова, который сидел на Акмоне, искусственном планетоиде, переименованном в Кронштадт, и отлаживал его системы ближнего боя – после штурма планетоид остался практически без защиты. Одинцов примчался на Новый Город, и урезонить его удалось далеко не сразу. Офис губернатора от серьезного ущерба спасло только вмешательство Зазнобина и ребят из его команды. Затем к Решетникову с заветной бутылкой самогонки, настоянной на травах, появился Казанков и после долгих разговоров за жизнь попросил перегнать с Кедр недостроенный док с системными буксирами. По словам Емельяна, без дока и буксиров Новый Город никак не мог обойтись – требовалось ремонтировать корабли, да и строить свои выходило гораздо дешевле, ну и без того дел хватало – сборка и запуск навигационных спутников, создание сенсорных полей, перевооружение астероидов, на которых у гетайров стояли планетарные мортиры. А ремонт орудий требовался капитальный. Ибо единственное, что они могли сделать сейчас, – это не ремонт, а сборка из двух мортир одной, а то и из трех – орудия русских крейсеров поработали с астероидами на славу. Решетников отказал, Казанков взбеленился – и тогда губернатор решил созвать первое в истории системы Орешек вече.

В состав веча вошли наиболее уважаемые люди из первой волны переселенцев, губернатор, Казанков, как отвечающий за оборону системы, Зазнобин и Одинцов. Степенную речь Никодима Охлупкова о необходимости перевести всех людей на стройки и фермы – как раз начиналась пахота – прервал Казанков, грохнув кулаком по столу:

– А если пираты пожалуют? Флот ушел, на орбите «Садко» и «Псковитянка». Что мы сделаем с двумя кораблями? Возьмут ведь, как щенков из логова, – голыми руками. Что, по лесам разбежимся? Все силы на оборону, а там разберемся!

Его поддержал Одинцов. Потирая шрам, перекосивший вниз бровь и угол левого глаза (отметина от гетайра Клита, пытавшегося отбить систему управления сегментами планетоида), он заметил, что Кронштадт еще не на ходу, не говоря уже о том, что вооружения кот наплакал. А когда сегменты смогут отделяться от основного ядра, чтобы вести бой самостоятельно, не скажет никто.

Охлупков, побагровев, заорал, что в недостроенном городе дети и женщины и, если завалить пахоту и сев, попросту нечего будет жрать. Если уж надо решать, куда девать оставшиеся деньги, так ясно любому – закупать продукты и сельскохозяйственную технику. Оборона подождет. Бог не выдаст, свинья не съест.

Вече превратилось в сущий бедлам. Зазнобин едва успевал растаскивать депутатов, хватающих друг друга за грудки. Решетников минут двадцать ждал, когда же прекратится бардак, потом вскочил на стол и заорал, перекрывая общий гвалт. Депутаты, привыкшие видеть губернатора сдержанным, от неожиданности примолкли, и Решетников, пользуясь моментом, выложил свои соображения.

– Хватит блажить, как юродивые, господа депутаты. Как вы думаете, если бы люди, что вас сюда послали, посмотрели бы на вас, стали бы они по-прежнему доверять вам? Думаю,

вряд ли. Все, о чем вы тут оралы, можете забыть. Пока начальник в системе я, я и буду решения принимать и ответ держать. Слушайте меня и помалкивайте. Если у кого-то будут дельные дополнения – выслушаю. Крика не потерплю. Иван, – Решетников повернулся к Зазнобину, – кликни своих ребят из абордажной группы. Любого смутьяна – взашей. Вот что я вам скажу: денег у нас нет, ни оплатить подвоз продуктов, ни заказать нужное оборудование, вооружение и так далее. Сделаем вот что: я лечу на Новый Петербург и кланяюсь в ножки совету директоров банка «Селиверстов и товарищи». Мы отдадим им в разработку все, повторяю: ВСЕ полезные ископаемые на Новом Городе на девяносто девять лет. Если этого будет мало – отдадим все, что есть на неосвоенных планетах системы. Это наш единственный выход, если мы не хотим через пару лет жить в землянках и бегать в шкурах с дубинками в руках.

– Ну, это ты хватил, – прогудел Казанков, – однако предложение дельное. «Селиверстов» – это сила.

Все согласно закивали. Банк «Селиверстов и товарищи» являлся крупнейшим частным банковским холдингом и был известен не только в пределах Российской Империи. Он входил в тройку самых крупных банков всех человеческих миров. К тому же он пользовался безупречной репутацией. Если бы Решетникову удалось уговорить руководство банка взять в концессию разработку полезных ископаемых, то можно было не волноваться насчет, скажем, экологии или нечестных расчетов и хищнической эксплуатации месторождений. Все будет на высшем уровне...

– А смогёшь? – засомневался Охлупков. – Там ведь люди солидные сидят. С ними серьезный разговор вести надо. А у нас – ни карт залегания, ни протоколов оценки запасов, ни аудита эффективности добычи. Одни материалы орбитального сканирования.

Решетников дернул щекой. Вопрос был дельный, но отвечать на него было нечего.

– Иван, «Псковитянка» на ходу?

– Хоть сейчас в рейд, – отозвался Зазнобин.

– Вылетаем завтра с утра. Курс на Новый Петербург. Важно, чтобы никто не знал о том, зачем мы туда летим, ясно? Если нам откажут – крышка Новому Городу и системе Орешек. За меня остаются Казанков и Одинцов. Всё, господа вечевики, разойдись.

– И чего было собираться? – пробурчал Охлупков. – Сказал бы, чего надумал, и дело с концом. Вот повадились занятых людей от дела отрывать.

– А собирал вас для того, чтобы заложить основу будущего народовластия, – пояснил Решетников. – Первый блин, как водится, комом. Но ничего, лиха беда начало.

После того как все вышли, к губернатору подступил Одинцов и попросил организовать ему сеанс дальней связи. Решетников сначала заупрямился, однако Александр сказал, что хочет переговорить со своими старыми знакомыми. Может, чем помогут. Решетников окинул его настороженным взглядом. Этого человека он знал не очень хорошо. Но Зазнобин говорил, что тому можно доверять как ему самому. А вопрос с доверием решается просто. Веришь человеку – верь и тому, за кого он так ручается...

На Новом Петербурге губернатора Нового Города встретили равнодушно: ну, захотели люди искать счастья на границе освоенных миров, так что ж? Попутного ветра, как говорится. Ни сетевые порталы, ни новостные сайты, ни бульварные листки не упомянули о приезде Решетникова. Поначалу тот огорчился. Однако, подумав, решил, что это к лучшему. Шумиха была ни к чему. На второй день, не добившись встречи ни с кем из совета директоров банка, Решетников сидел в одиночестве в гостинице и думал, а не напиться ли с горя, когда в номере появился Зазнобин с мужчиной лет сорока. Внешность у мужчины была незапоминающаяся: светлые редкие волосы, блеклые глаза, ничего не выражающее лицо.

«Вот, познакомься, – сказал Зазнобин, – это Константин Карлович Бергер. Мой... м-м... добрый знакомый. И Одинцова тож... Расскажи ему, что у нас творится. Может, он подскажет чего».

Решетников пожал плечами, заказал в номер коньяк и кофе и битых два часа жаловался Бергеру на беды, свалившиеся на Новый Город.

Константин Карлович оказался на редкость приятным собеседником: коньяк пил умеренно, слушал заинтересованно, в нужных местах улыбался и шутил, в необходимых – сокрушенно качал головой. Расстались они, когда за окном засинели сумерки, бутылка коньяка опустела и второй кофейник был давно выпит. Зазнобин пошел проводить гостя, а Решетников внезапно сообразил, что так и не узнал ничего о собеседнике. Более того, вроде бы Бергер и вопросов особо не задавал, а выложил ему губернатор все, что накопилось на душе, и даже больше – то, о чем мечтал, соглашаясь лететь в новую систему. А именно: построить государство, в котором основополагающим законом стала бы возможность строить жизнь по своему разумению. Как сами решили. Не оглядываясь ни на кого. Чтобы вера – православная, чтобы семьи – крепкие, чтобы люди – счастливые. И чтобы государь знал, что есть такая земля, где люди откликнутся на его призыв по первому зову, а сколь далека она от Империи Российской – не имеет значения.

«Господи боже, – пробормотал Решетников, – да он меня за блаженного принял».

С тем губернатор и лег спать, чтобы наутро вновь обивать пороги штаб-квартиры банка «Селиверстов и товарищи», улыбаться секретаршам и выслушивать вежливые отказы. К вечеру у него совсем опустились руки. Однако, когда они с Зазнобиным уже отужинали в гостиничном ресторане и возвратились к себе, на пороге его номера неожиданно нарисовался курьер. Когда он ушел, Решетников недоуменно уставился на заполненный бланк пропуска в столь вожделенный, но еще так недавно совершенно недоступный персональный офис председателя правления банка.

– Ты чего-нибудь понимаешь? – повернулся он к Ивану.

Иван хмыкнул:

– А что тут понимать – считай чудо. Так что не уппусти шанс.

Приняли их с Иваном благожелательно, однако не сказали ни «нет», ни «да», а предложили подождать ответа.

Ответ пришел через сутки, и говорилось в нем, что Новый Город посетит, не позднее чем через месяц, председатель правления банка Игорь Андреевич Селиверстов. Решетников сорвался с места, и «Псковитянка» едва не сожгла двигатели, пройдя в форсированном режиме почти весь обратный путь до системы Орешек – к приезду банкира следовало подготовиться.

И вот Селиверстов прибыл на Новый Город.

Вышел он из церкви деловой и собранный и с ходу попросил изменить программу своего пребывания. Решетников хотел поводить его по строящимся объектам, может, свозить к морю, устроить встречи. Однако осматривать и мотаться к морю за тысячу двести километров Селиверстов отказался. Он предложил позвать геологов и показать ему карты планеты, а также предоставить информацию по планетам системы с указанием сроков возможного освоения.

Уже под вечер в офисе губернатора состоялся серьезный разговор между банкиром, Решетниковым, Казанковым, Одинцовым и начальником геологической службы. Были также Зазнобин и несколько человек из тех, что присутствовали на вече.

– Ну что, господа, – сказал Селиверстов, прихлебывая чай (от ужина он отказался, и все присутствующие удовольствовались, как и он, бутербродами), – дела ваши хреновые. Уж простите, что я так вот, напрямик, высказываюсь. Народ вы подняли, высадили на новую землю, а что дальше делать, не продумали.

– Ну, что дела хреновые, мы и сами знаем, – буркнул Охлупков, – ты говори, Игорь Андреич, что, по твоему разумению, впереди у нас. Поможете?

Селиверстов крикнул, потер шею.

– Экие вы... Загодя думать надо было, мужики. Э-э... ладно, – банкир махнул рукой, – думаю, я смогу заинтересовать совет директоров. Крутиться, конечно, придется, как уж под вилами. Тут ведь не просто взять вот так и деньги вам привезти. Следует открыть новые компании: горнорудные, транспортные, провести нормальную геологоразведку, потому что вот это, – Селиверстов ткнул пальцем в монитор на стене, где горели красным открытые месторождения металлов, нефти и минералов, – филькина грамота. Много ли толку, что просканировали вы с орбиты? А разведанные запасы? А способы добычи, а как вывозить, куда, на чем и кому продавать? Но! Перво-наперво требуется оборону наладить.

– А я что говорил?! – воскликнул Одинцов.

– Да, оборону. Сейчас вас бери голыми руками. Повесят на орбите фрегат, и будет он долбить по вас, пока в леса не разбежитесь. Под это дело откроем вам кредит. Всю систему защитить пока не сможете, да и нужды нет, но Новый Город оборонить надо. В общем, выберите представителя, который со мной полетит. На месте все и решим. Большое дело вы тут начали, но все только начинается, мужики. С помощью Божьей осилим.

Решетников облегченно вздохнул. Дело чуть не испортил Казанков. Хлопнув Селиверстова по плечу, он обернулся к остальным:

– А что, мужики, подумаем, как отблагодарить гостя?

Банкир усмехнулся и окинул их ехидным взглядом.

Все потупились, бросая сердитые взгляды на Казанкова. Вот ведь посадил в лужу, так уж посадил. И то правда, ну что они могли предложить одному из пяти самых богатых людей человечества? А слово-то сказано... Но Селиверстов сам пришел им на помощь:

– А вот Геннадий Павлович говорил, что рыбка в вашей речушке завелась. Плотва там, ерш. Вот если рыбалку организуете завтра, чтоб ушицы с дымком поесть, да под водочку, вот за это спасибо скажу.

– Да хочешь – сетью, хочешь – динамитом, хочешь – плотину поставим: ходи пешком да собирай ершей! – воскликнул Охлупков.

– Нет. На удочку чтобы, с поплавочком.

– Сделаем, Игорь Андреевич, – кивнул Решетников.

Рыбалка удалась, хотя для того, чтобы наловить потребное для ухи количество рыбы, пришлось пройтись бреднем по холодной апрельской воде. Там, на берегу Смородины, решили, что представителем Нового Города в столице Империи будет Емельян Казанков. Хотя бы на первых порах, поскольку уговорить его удалось, только пообещав, что командировка не затянется более чем на пару месяцев.

– Уж так и быть, – пробурчал недовольный Емельян, – вы пока думайте, кто оборону планеты ставить будет. Как я понимаю, Одинцов больше по ближнему бою. Так, Сашок?

– Так, – согласился Одинцов, – по условиям применения тяжелых вооружений и тактике защиты планет я – полный ноль.

Зазнобин, помешивая в котле, задумчиво посмотрел на Решетникова:

– Есть у меня одна кандидатура. Если отпустишь на две-три недели, обещаю, что привезу нужного человека. С опытом, с классическим военным образованием. Мы, вольные люди, ушкунники, все на «арапа» привыкли, а тут, сдается мне, серьезный подход нужен.

– Добро. Но не больше трех недель. Сам понимаешь, «Псковитянка» уйдет, и останется у нас тут «Садко», который сам больше на дуршлаг похож.

На следующий день Решетников провожал Селиверстова и сопровождающего его Казанкова. Попросив остановиться возле церкви у космопорта, банкир сказал слова, после которых Решетников до конца понял, что Селиверстов на их стороне:

– Пойдем, Геннадий Павлович, помолимся, чтобы дело наше сладилося.

Отметив, что решение проблем Нового Города Селиверстов назвал «нашим делом», Геннадий Павлович был весьма доволен.

Уже перед посадкой в модуль банкир взял губернатора за рукав:

– А и хитер ты, Геннадий Павлович. Только чего ж тянул-то, если такие связи у тебя в столице? Три дня пороги обивал, вместо того чтобы сразу быка за рога брать.

– Ты о чем, Игорь Андреевич? – удивился Решетников.

– Да ладно, – Селиверстов ткнул его пальцем в бок. – За день до того, как мы тебя на совет позвали, была у меня приватная беседа. Знаешь с кем?

– Откуда?

– С Николаем Михайловичем Завойским. Растолковали мне, что́ есть государству польза, а что́ совсем наоборот – полный вред. Потому на следующий день тебя и приняли на совете.

– А кто это Завойский?

– Ну... Эх! Ты это брось! – Селиверстов шутливо погрозил пальцем Решетникову. – Все ж сладилося, так что и темнить ни к чему. Все, Геннадий Павлович, бывай.

Решетников пожал протянутую руку, обнялся с Казанковым и, отойдя в сторону, провожал взглядом взлетающий модуль, пока тот не скрылся в низких тучах. В своем офисе он влез в базу данных «Кто есть кто в Российской Империи» и прочитал там следующее:

«Завойский Николай Михайлович – заведующий отделом канцелярии Его Императорского Величества по связям с палатой народных представителей и правительством Российской Империи».

«Псковитянка» стартовала на следующий день.

Глава 4

Они достали его и здесь... Они прятались, таились, выжидая, пока он встанет на ноги, пока к нему приедут два человека, которых он любил больше всего на свете, больше жизни... и теперь они уничтожат всех! И прекратится древний род, уйдет в небытие фамилия, давшая отечеству прославленных флотоводцев, лихих капитанов, не раздумывая клавших голову на алтарь победы.

Нет, он еще поборется, он не даст застать себя врасплох, как тогда, возле системы Лотар. Пусть тот бой он проиграл – не каждый бой можно выиграть, но он не сдался и не сдастся никогда! Он будет стрелять, рубить, он будет бить кулаками и рвать зубами, но сегодня и здесь он покончит с этой трусливой сворой, которая только и может, что навалиться пятеро на одного и терзать, кусать кривыми клыками, рубить ятаганами, стрелять из-за угла...

Кирилл Небогатов погладил тряскими пальцами лежавший на столе лучевик. Слабенькое ружьишко, но ничего, главное – какой стрелок. Тяжело поднявшись из-за стола, он проверил, не выглядывает ли люк подпола из-под тяжелого шкафа, которым он его задвинул. Нет, все нормально. Даже если удача изменит ему, они никого не найдут. Даже если дом спалют... пусть! Вера – жена офицера, она знала, на что шла. Дочка... Светочка-Цветочек... Нет, он не позволит им глумиться над ними. Все прахом, но задешево нас не возьмут!

Он услышал голос жены. Разобрать, что она говорит, было трудно, но он понял – она благословляла его. И Светочкин голосок – говорит, что любит его... Он стиснул зубы так, что челюсти хрустнули. Да, никому вас не отдам. Я – ваш, вы – мои! Пальцы сжали ребристую поверхность вакуумной гранаты. Если уж отбиться не удастся, то...

Кирилл подошел к старинному обшарпанному буфету, попытался отыскать среди пустых бутылок початую, не нашел и локтем смахнул посуду на пол. Он достал из открытого ящика новую бутылку, торопясь, сорвал пломбу. Горлышко зазвенело о край стакана. Он залпом влил в себя водку, поморщился, схватил с тарелки подсохшую вареную картофелину, быстро прожевал. Вот, полегче стало. Дрожь в руках прошла.

Достав с полки лист бумаги и «вечный» карандаш, он вернулся к столу. Под ногами хрустели осколки.

«Ребята! Они достали меня, и если вы читаете это письмо, значит, живым я им не дался. Мы были хорошими друзьями, честными друг перед другом, и вам не в чем себя упрекнуть. Особенно в том, что мне повезло меньше других. Костя, я знаю, ты их найдешь. Касьян, считайся с ними за меня...»

Ему показалось, что затянутое морозным узором окно на миг потемнело – кто-то прошел к двери.

«...Они уже здесь, за дверью. Как бы то ни было, Верочку и Светланку я им не отдам. Пока, ребята, не поминайте лихом. Кирилл».

В дверь коротко постучали. Небогатов погасил свет. Стук повторился.

Чей-то голос назвал его по имени. Он зло усмехнулся. Интересно – кажется, хотят предложить переговоры. Будут вежливы, улыбки, будут спрашивать про эсминца, про новое вооружение, предложат деньги, страну проживания на выбор... Он не продаст свой «Дерзкий» и не посрамит звания русского офицера. Света, ты будешь гордиться отцом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.